

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 16

Тольятти
2018 год

Главный редактор: Сергей Сумин
Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Художник номера: Кристина Власова
Вёрстка: Наталья Якушина

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Номер вышел при поддержке издательства «СТИХИ»

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2019 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Екатерина Боярских. Стихи</i>	6
<i>Дмитрий Чернышев. Стихи</i>	13
<i>Андрей Сен-Сеньков. Стихи</i>	16
<i>Сергей Ивкин. Стихи</i>	19
<i>Борис Кутенков. Стихи</i>	23

ПРОЗА

<i>Сергей Брель. Разные русские</i>	30
<i>Екатерина Лунина. Новогодний этюд</i>	43

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

<i>Разговор с поэтом. Анна Мартышина</i>	50
<i>Анна Мартышина. Стихи</i>	54

АФОРИСТИКА

<i>Юрий Тубольцев. Парадокс сюра и сюр парадокса</i>	59
--	----

МИНИАТЮРЫ

<i>Александр Тененбаум. Миниатюры</i>	70
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

<i>Кирилл Миронов. Стихи</i>	81
<i>Ольга Кириатти. Стихи</i>	85
<i>Дмитрий Ларионов. Стихи</i>	87

ОКРЕСТНОСТИ

<i>Мария Тарадова. Записки из прошлого</i>	93
--	----

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

<i>Константин Емельянов. Стихи</i>	98
<i>Эмилия Песочина. Стихи</i>	103

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

<i>Виталий Кальпиди. Из книги «Философия поэзии»</i>	110
--	-----

МИР – ОТЕЧЕСТВО

АБИАВЛЕНИЭ	117
Куйбышевская ГЭС в поэзии и мемуарах	119
КНИГА ЗА КНИГОЙ	133
АВТОРЫ	152

ПОЭЗИЯ

Екатерина Боярских

Становясь всё медленней и длинней
в окруженье инея и теней,
с точки зренья воздуха, мы на дне.
С точки зренья воздуха – так видней.

Человек с замёрзшей водой в ведре
осязаем воздухом поутру.
Он не понимает, что он в игре,
что уже заканчивает игру.
Он идёт над речкой и смотрит вбок,
осязает воздух плечом, плащом.
Видит – берег прячется. Видит – бог.
Видит всё, не думая ни о чём:
сновиденья времени, гнёт идей,
опыт милосердия и тоски,
видит – гнев предсмертия рвёт людей
на куски, как лев, и кусков куски.
Исчезает сердце, скулит во сне,
просит – новым именем назови,
не досталось и не осталось мне
долга долгой старости и любви.

Мы давно и просто спустились с гор
и с вершины города смотрим ввысь,
потому что самый большой простор
никогда не требует – поднимись,
заслужи, покайся, дрожи и чти,
подчинись, пожертвуй и докажи.
С точки зренья воздуха, всё в пути –
даже прокажённые гаражи,
облака, идущие по тропе,
и цветы с отрубленной головой,
эти понимают – они в судьбе
и насквозь, наотмашь пьяны судьбой.

ПОЭЗИЯ

Человек с замёрзшим огнём внутри,
к горизонту лестницы-поезда,
октябрёй любимые пустыри,
городов размытые невода...
Посторонний тысяче бед и дел,
выдыхая в воздух бесшумный смех,
пока шёл, он тысячу раз успел
поменять местами себя и всех.
С точки зренья слова, он глуп и глух,
как другие, хуже любых ли был.
Затаив дыханье, рассеяв дух,
он увидит то, что всегда любил.
Он на четвереньках во мраке лет
полз по бритвам битв и ножам камней,
а сейчас его догоняет свет
этих блёклых, травленных чудо-дней.
Жизнь тогда казалась гнилой, больной,
непролазно, грязно, бессвязно длясь.
А теперь вот светится за спиной,
целиком пропала – и вся нашлась.

Сирены

Мы ещё не действуем как повстанцы,
но по-чернокнижки уже поём:
как умеешь бедствуй, катайся, майся,
а потом бросайся к нам в водоём.

Здесь воздушны устья – зовут сирены, –
высоко в истоках, легко на дне.
Черноптицы в белых кустах сирени
как заплаты ночи на полотне.

Мы ещё не созданы, осторожны,
письмена на лбу, в рукаве, в груди.
Как же до тебя добираться сложно,
медленно под снегом сама иди.

ПОЭЗИЯ

Дети пелены, девы снегопада,
стынет под ногой полынья-луна.
Нас почти не слышно, почти не надо,
наша седина красоте равна.

Наши голоса: заведи будильник,
выключи плиту, воскресенья жди.
Отмени любовь, обмани бессилье.
Медленно по свету иди, иди.

Нет тебе уже никакого дела
до вопросов, как у кого дела.
Ты сейчас читаешь изнанку тела,
а обложка выцвела добела.

Ты одна настолько, чтоб быть из наших,
кто на картах мира ненаходим.
Ты же слышишь звон, ты же знаешь тяжесть.
Медленно по следу иди, иди.

Мы же самозванцы и альбигойцы,
и уже заметны, уже слышны.
Медленно навстречу иди, не бойся,
ты нас отпросила у тишины.

Талый алый снег превратится в сажу,
если ты увидишь, что впереди.
Ты жива настолько, что будешь наша,
ветрено и слепо иди, иди.

ПОЭЗИЯ

Падчерицы вольного эфира
ради тишины отвергли песню.
На задворках солнечного мира
в одиночку радостней, чем вместе.

Как на фотографии, из центра
в чисто поле выйти подчистую,
выбрать путь поистине бесцельный,
торжество покинуть, торжествуя.

Ты давно не деятель, не житель,
не руководитель, не приятель.
Дух твой избегает общежитий.
И объятий. И мероприятий.

По лесным декабрьским зимовьям,
по цветным сентябрьским осеням.
Самым честным. Тесным. Самым горьким
будет долгий путь до запустенья.

В четырёх шагах от вечной ночи
движется, слова перебирая,
еле освещаемая точка:
"Нет у сияния окраин".

Повернувшись к празднику спиной,
всё быстрее, слова перевирая:
"Я купила дорогой ценою
то, чего хотела, выбирая.

Есть одно лишь солнечное сердце,
расширенье, самоизлученье.
На задворках свет всегда вечерний.
Нет предела этому свеченью.

Прохожу сквозь тени полутенью.
Вижу и держу перед собою
сферу света – память возвращенья,
музыку, не знающую сбоя".

ПОЭЗИЯ

Где-то между цирком и трамваем,
между МРТ и ЭКГ,
ходит-бродит смерть сторожевая
на одной изрезанной ноге.

Белый коридор пересекая,
сквозь узлы вытягивает нить.
Забирает или отпускает,
всё не может предопределить.

Тесная палата, воздух спёртый.
Каждая как будто о своём:
наши силы были иллюзорны,
наши были поросли быльём.

Наши цепи сгнили и распались,
а потом цветами проросли
в жёсткую негнущуюся память
женщины, больницы и земли.

Тридцать первый, шестьдесят четвёртый...
снятся предвечерние миры –
деревянный бок аэропорта
или школа на верху горы.

И они нащупывают снами
то, что наяву идёт ко дну, –
старую скамейку, белый камень
и неисцелимую вину.

И пока они неровно, робко
боль, как мель, перебегают вброд,
их так и не сбывшаяся лодка
завершает свой водоворот.

Санитар поправит покрывало.
Хоть ты нить тяни, хоть оборви,
эти тлен и горечь – переправа
перед наводнением любви.

Шарик на нитке

Пасмурный серый – это ловушка,
это полушка полуулыбки.
Только и света – чья-то игрушка,
сонное солнце, шарик на нитке.

На тебе солнце – как мы кидались,
как предлагали свитки и слитки.
Как мы влюблялись – и распадались,
но собирались с третьей попытки.

Как торопились – бегали с нами
ветры, как волки, по белу лесу.
Горы покрыты снегом и снами.
Годы не знают этой завесы.

Как мы боялись и отрекались,
но возвращались с энной попытки.
Близкого блеска малая завязь –
робкое солнце, шарик на нитке.

Как мы влюблялись – и унижались,
но расставались – и восходили.
Мы засыпали – и рассыпались,
но возникали – и говорили.

Новое небо полностью ясно,
кверху уходят лестницы дыма.
Мы исцелились несопричастно.
Мы проиграли непобедимо.

Ржавые сёстры, зависть и жалость,
обе красивы, как на открытке.
Я отпускаю – не удержалась.
Он улетает – с первой попытки.

Солнце нечестных и неизвестных,
незаменимых, незначенитых.
Солнце невинных, солнце неверных,
Солнце не вечных – шарик на нитке.

ПОЭЗИЯ

Canción de Luna y Cosecha

Каждую ночь над бесплодными землями ветер поёт о луне.
Каждое утро восходят над временем горы в прозрачном огне.
Крепко ты сомкнул, свод ночей и дней.
Что же здесь вырастет в голоде, в холоде голых, как небо,
камней?

Тенью по тени глаза твои помню и тёплым дождём по воде.
Ветер поёт нам о саде, который возможен над нашим нигде.
Низко ты согнут, сумеречный лес –
как мы здесь выросли, в голоде, в холоде голых, как камень,
небес.

Что бы ни сеял, печаль или радость, вырастет только любовь
там, на ступенях бесплотного сада, выше вершины любой.
Надо сделать шаг. Если сделать шаг,
лунная лестница льётся и движется, музыкой можно дышать.

Тот, кто всё дальше уходит в молчание здесь, где пространства
молчат,
небо бросает зерно обещания песней взойти в этот сад.
Он идёт всю жизнь. Сад растёт всю жизнь.
Лестница ждёт, и зовёт нас, и движется,
так и поднимемся ввысь –
за песнями песня, за мыслями мысль,
за песнями песня,
за мыслями мысль.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Чернышев

Инструкция

tb

Убегая –
дистанция кордона сто метров! –
не забудь:
снять часы и положить
циферблатом вниз на середину стола.

...

А вот потом
я –
накрою любимую
взрывоподавляющим покрывалом!

Комментарий:

*"Крошечным созвездием сияют мои часы" –
(с) А.Столетов, "Письма к Тристану", 1986*

Последние дни лета

tb

Сворачиваю с Кронверкского на Введенскую,
там едва ползёт маленькая колонна бронетехники незнакомых
силуэтов,
тележки с забинтованными калеками, кто-то в клетке.
Даю прохожему германскому офицеру, союзнику,
докурить свою хорошую сигарету без фильтра,
он объясняет.
Это трофеи и военные преступники, последние пленные
из Детройта.
Их везут в Петропавловскую крепость,
потом там будет показательная казнь.

Я тебя люблю.

В этом сне я иду на свидание с тобой.

ПОЭЗИЯ

Мгновения

I.

пока обычный цианистый калий ещё раздражает
слизистую оболочку вашего горла,
быстрорастворимый цианид UPSA ®
уже сделал
своё дело!

II.

ты ещё жива потому,
что я
так решил

III.

гибкие, тонкие прокладки – с крылышками! –
из асбеста
это ваша безопасность и комфорт
в адском пламени.
...пусть лишь на долю пикосекунды!
Но вы будете благодарны
...from here to Eternity

Комментарий:

Еще в детстве прочитав роман Джеймса Джонса «Отсюда и в вечность», автор пребывал в счастливом заблуждении, думая, что заглавная фраза «From here to Eternity», это цитата откуда-то из Библии короля Иакова. Лишь теперь, уже после написания «Мгновений», тьму моего невежества развеяла прекрасный петербургский поэт, знаток англоязычной литературы Елена Дунаевская. Она нашла первоисточник: стихотворение Редьярда Киплинга «Gentlemen-Rankers», 1892. Фраза выглядит так: «**Damned from here to Eternity**». Прокляты навсегда.

ПОЭЗИЯ

Из Катулла

На мотивы В. Отрошенко

Любимая... "puella defututa"!

...

Так жалко вас, —
не только не уестествивших богиню —
скуШных импотентов,

а вас,
так и не
увидевших Её!

tb

Когда я в следующий раз
буду любить тебя, точно, убью.
Будет мне лет девятнадцать.

— Да.
В прошлый раз
я повесился.

ПОЭЗИЯ

Андрей Сен-Сеньков

Город перечитывания

если перечитывать палиндром
тарту дорог город утрат
много раз
можно увидеть на этих дорогах
маленький автомобильчик

если перечитывать еще
можно разглядеть внутри людей
у которых дни рождения
совпадают с какими-то праздниками
четвертого июля двадцать четвертого декабря
четырнадцатого февраля седьмого ноября

за автомобилем бежит по снегу
человечек
он тоже хочет внутрь
он тоже хочет в стихотворение

давайте его возьмем

а по дороге придумаем ему
день рождения

например
никогда

ПОЭЗИЯ

Синяя свинья Михаила Ларионова, 1910 г.

свинка не может поднять голову вверх
и хотя бы раз в жизни увидеть небо

анатомия это судьба

добрый крестьянин
хочет помочь животному
ловит и опрокидывает на спину

но свинка упав
от страха изо всех сил зажимает глаза
теряя единственный в жизни шанс
увидеть то что так давно хотелось

когда ей перерезают сонную артерию
отражающееся на лезвии небо пересказывается
близко к тексту

Стихотворение, написанное по случаю награждения премией Андрея Белого

внутри стеклянного яблока
запаян кораблик
склеенный из бумажного алкоголя

никуда не плывет
стоит себе на книжной полке
среди стихотворений красивых в профиль
у которых бессонница

он говорит
когда не получается уснуть
нужно считать лейкоциты в анализах крови овец
заблудившихся в стаде белых монеток

У человека не хватило фантазии для имени шестого дополнительного пальца

играем в камень-ножницы-бумага
у нас по шесть пальцев на руках
поэтому придумываются дополнительные опции
водороднаябомба-иприт-напалм
только мы плохо знаем
технические подробности
и супер-оружие получается так себе
как диковинные животные
которых в средневековье
рисовали по устным описаниям
и они часто совсем не походили на реальных зверей
складываем из двенадцати бесполезных отростков
больничный домик двенадцатого века
и с хрустом проигрываем
архитектуре приемного покоя

ПОЭЗИЯ

Сергей Ивкин

* * *

приблизился и дышит мол они
тебя назвали ученик и бездарь
ты был титан а распахнули бездну
и вновь никто среди чужой родни

на фоне вечности не вылетит АЭС
похлёбка с элементами исхуйства
а ну их всех ты больше к ним не суйся
выращивай пускай не сад но лес

всё ближе брешет давит и нудит
все пидарасы прав хрущёв цитата
да я б с двух рук по ним из автоматов
там каждый первый сволочь и бандит

отсев и пыль а был краеугольным
почтивприжимку продолжает чад
в тенденции участливо молчать
своих шакалов кормим добровольно

* * *

Нет особых времён, время – плоский и гибкий огонь,
обернувший собой ноздреватую ёмкость потери,
словно чайник вскипающий. Тянешь невольно ладонь

или две, ощущая себя золотой gonepteryx,
совмещающей крылья: нектар и торнадо – в одно...

Заступаешь за край и в полёт отпускаешь заварку,
но она висит, поскольку немислимо дно,
и не жалко себя, а действительно страшно и жарко.

ПОЭЗИЯ

Иона

Выходи в косматую пустоту мира.

Хендрик Джексон

(перевод Ольги Захаровой)

1.

Всё возьми. Оставь пожить немного.
Вдохи реже, а удары чаще.
В этом самолётике для Бога
я – не больше, чем кимвал звучащий.

В полутьме стеклянной отраженье
отвечает, словно из утробы
на УЗИ в нечётком разрешенье,
лишь поются губы: бобэоби.

Нашу тень распятую выносит
на поля, лишённые приплода:
партизаны поджигают осень.
Это не финита, а погода.

Это объявление метели.
На петлицы ягоды рябины.
Нас радисты заживо отпели.
Запах листьев хлещет из кабины.

2.

Радиорубка верньером скребёт эфир.
Ветер сегодня общительней, чем дельфин.
Между помехами нет ничего на свете.
Тёплое чрево кита, где мне трудно ды...
То, что спасает от холода и воды,
также имеет форму и сущность клетки.

ПОЭЗИЯ

Бейся, радист. Отчаянье – это стыд.
Дождь... Поднимается море... Рассудок спит
и порождает чудовищ огневолоосых:
это горит обмотка твоих реле.
Помни, с молитвой и на одном крыле
ковыляет во мгле Утёсов.

3.

Трещины тоннелей в тёмно-синем
небе не видны со дна колодца.
Только песня тянет из трясины.
Только песня проявляет солнце.

Только песня оградит Иону,
сообщит артериальной почтой,
что желудок обратится в лоно,
и могила обернётся почвой.

4.

Сине-зелёный автобус – большая усталая рыба:
сквозь чешую плохо видно, чем дышит на дне.
Под золотистыми рёбрами вроде тепло – и спасибо.
Друг мой единственный, помнишь ли Ты обо мне?

Как поднимал на ладони смешного Иону
или таскал на Своей неохватной спине?
Долгою вышла прямая дорога до дому.
Друг мой единственный, помнишь ли Ты обо мне?

Сколько мне ждать до того, как раскроется пасть и
рыба меня изблюёт в неродной стороне?
Ты – мой очаг и моё непомерное счастье.
Друг мой единственный, помнишь ли Ты обо мне?

ПОЭЗИЯ

Низкие тучи бодают отроги Урала.
Звёздные звери жуют шкуру тощего дня.
Рыба моя задохнулась в объятиях трала.
Друг мой единственный не вспоминает меня.

5.

Разморённых слуг Своих в дозоре
с фонарями на корявых ветках
отведи в распахнутое море,
обложи налогом кругосветным,

чтобы ветром выпрямляло спины,
чтобы цепи весело гремели,
чтобы белобрюхие дельфины
нежились в рассветной карамели,

чтобы желваки на серых лицах,
схваченные сетью капилляров,
научили заново молиться.

Поздравляя наших юбиляров,
мы поём, что до сих пор в разведке
с фонарями на корявых ветках.

ПОЭЗИЯ

Борис Кутенков

Елене Жамбаловой

в победу сходят собственною тьмой
как в яблоневый бой
в цветущий чат
что злато – разобраться бы с собой
какие червоточины стучат
ребёнком по нему наперебой
за всех его смеющихся волчат

в победу сходят
обрывая нить
что за туда вела в сердечный лес
стоишь себе пришедшая привить
к бурятской розе – щит наперевес
к бесптичью – благодарное тювить
и собственное просто разлюбить
за весь его раскаянья замес

за мглистый свет за неказистый дар
яблонепад бормочущих теней
где горизонт задвинула звезда
познавшая – он временно при ней

за всех окаменевших без труда
а ты не камней
не камней

Вологда, 09.06.18

ПОЭЗИЯ

*... любой предать тебя готов
за жизнь и кошелёк
Денис Новиков*

подступает ли брат на крутом вираже,
в недоступный ли ум наряжается крах,
или свет на болоте, не данный уже,
замерцает в татарских бровях, —

ты пред ним — полутьма, ашенбах без пяти,
свой предел тридцати, мелюзга;
что не речь языка — всё расслышать иди,
что молчаньем нашёптано — слышать иди;
говори — всё, что речь языка;

чтобы внутренний розанов тише прилёт,
в гутенберговы целясь слова;
василёк предаёт за крутой кошелёк,
и с шумливою той, чей провал недалёк,
допоёт полилог трын-трава;

чтобы — на самокрутке, обрывке, листке
(не покинь драгоценных границ, монолог!)
...вот он, скачущий в будущность шар бильбоке,
неофитства взведённый курок,

в не-сюда залетевшие ум и талант, —
пред твоим суесловьем поник,
принимая дарённый тобой фолиант
за бессмертья желанный дневник.

14.03.18, Череповец

ПОЭЗИЯ

Александре Герасимовой

I.

Говорит молодая лагуна без берегов
перед тем, как заполниться музыкой в раз последний:
скоро – в сплетню, домой, в земное, и – был таков,
а была – чуть дрожащим двоением, поющим слепком;
быть и быть бы в Твоём зрачке полновесной тьмой,
никогда не на свет, под фонарный и прямолицый;
не фейсбуком расти – а твореньем на день седьмой,
не стареть – а в себя принимать колоски землицей;
задержи меня, Господи, я не хочу домой.

Перед тем, как прорежется берег – молочный зуб, –
дай в застенок, в беззубый покой Твоего подвала;
отчего Ты на пахоту щедр, а на время скуп,
под Твоим бы присмотром я пела и воровала;
шла бы смело на слово чужое, на звук чужой,
по-сорочьи в гнездо тянула, пускала в дело;
сам же дал этот дар междустрочный, бессрочный бой,
а вернусь – и другим запрещу, что себе велела;
запечатай мне волю, быть не хочу собой.

Отвечает земное – молочные берега:
ты – зерно, мелюзга, задержись в колыбельной яви,
и, покуда кивающ твой взгляд пред лицом врага,
речь юна и подробна пред выделкой дурака, –
не освоено «здесь» – и туда уходить не вправе;
потому-то нещедрая вечность к тебе строга.

И покуда к тебе откровений чужих прилив –
беззащитным ларцом ли, пожаром, змеящим чатом –
донесётся – спеши навстречу, себя закрыв
для чудес, прорывных всегда и всегда прощальных;
и за это – не за другое – твой лучший сон

станет правдою, своевольной и неприглядной;
отпускаю тебя – поброди между двух времён,
прошлым будь, настоящим стань – а потом обратно;
там и здесь – не ко времени и не в тон...

ПОЭЗИЯ

II.

не бойся что падает ешь с земли
зерно уже хлеб а слова – слова
как были – в другого не проросли
взлетели – чтоб падать и остывать

подуй – и не бойся что горяча
всё жар – что не речь языка вовне
я сердце фонарное в три луча
сюда увезу догорать во мне
умрёт возродится ещё разбей
спаслось и спасётся ещё спасёт
лишь страшен помимо ночной твоей
воли проговоривший всё

выплыть в себя из умерших музык двух
словно в трамвае сна проливном и белом
то ли был воздух узок и к пенью глух
то ли взглянув на свет уступила делу
санкам везущим новый дедлайн дневной
плотно прижатым крыльям чужого слова
видишь не умер свет без твоей одной
вспыхнут дела как после дождя грибного
в каждом по маслу аннушка чуть видна
абрисом черт скандальных дневных неточных
сын заискрится резок в просвете дна
и не поймёт по ком омертвела почва
лишь децибел прорежет причину вслух
той что убила дабы цвело и тлело
видишь погасло близко – не рухнул дух
видишь погасли обе – и нет предела

Вологда, 14.06.18

ПОЭЗИЯ

I.

так любая полемика – образ бессмертья в тебе
прорастанье в чужое – взеркалившись цепко и много
спит шаламов с блесной в неотрывной софийской губе
увлекаемый в сторону бога

спит кремлёвская вологда с чёртом на страже дорог
ад некрупный щелчковый легко претворяемый в слово
и немолчная рыба берёт в проржавевший молчок
предпочтённое вместо земного

прёт обратно в себя
в отмороженный слом

в толщу босховских слов потерявших значение речи
меж неверьем в потомка и ненарушаемым сном
сорванца что качаем некрепко в тепле навесном
что-то перерастанья покрепче

(как бы немзер сказал: «модернистский гори кабинет»)
переломан канон прорастанья в большое при свете
только виден сквозь линзу реки
убеляемый свет
и у ада сыновнего
выбора нет
за семь нот до неравных бессмертий

Вологда, 16.06.18

ПОЭЗИЯ

II.

Лакинску

там остался дух мой веять в притихшей ясности
уже не чёрно-белом но и не разноцветном хаосе
мира слетевшего с катушек
я приехал туда но остаться не дали
и когда заскрипело такси то какая-то книзу скрижаль
полетела со звоном в скандале поутихшем
безвозвратно

там осталось моё незабытое слово лежать
восставая в побрякушечной тьме
когда выключается свет
и виден только отсвет от фонаря
тогда начинает бродить по комнате
поэзия дикая и невещественная
пропитывать моим веяньем нерушимые стены
играть с оставленной тенью

я стою где меня больше нет
и гляжу без слёз большими и просветлёнными
на внезапно закрывшееся прошлое
на предназначенный портал в будущее

душа гробанувшись из новой иллюзии
ко всему привыкает быстро
человек ограбленный на всё кроме самообмана
ко всему привыкает быстро
и нет предела

Сергей Брель

Разные русские

Выпивали в тесной прямоугольной трапезной древнего московского храма, почти наполовину ушедшего в землю.

Отец Прохор, недавно занимавший солидный церковный пост, ныне пониженный в должности за нелестные высказывания по самым разным адресам, разливал полусухое из пятилитрового картонного пакета. Степенно отвинчивал краник, и розовые пузыри начинали весело искриться в одноразовых стаканчиках.

С классическим брюшком, на котором возлежал относительно скромный крест, полупрозрачной бородкой, окаймлявшей скулы, и ещё не старым лицом — весь излучал уверенность. Большие, немного навывкате глаза разгорались особенным блеском где-то между вторым и третьим литром.

— Ты пряничком закусывай, — лаковым баском советовал пару месяцев назад вернувшемуся из Луганска ополченцу Севе, худому, с жёсткой щетиной и коротким ёжиком волос.

— Отец Прохор, Вы помните, как я после первого лета к Вам приезжал? — звонко, задиристо спрашивал порядком захмелевший Сева. — Об обстрелах рассказывал? А ведь как ни страшно тогда было, а Мариуполь мы практически взяли.

— Всё помню, отрок (несмотря на одичалый вид, Сева и впрямь выглядел юным). Слили вас тогда...

— Но ведь не сразу! Помню момент: мы с дружкой и ещё пятеркой отморозенных ребят должны держать оборону. Думали — хана. И вдруг смотрим: попёрли мимо нас колонны бэх без опознавательных знаков! Аж дух захватило — наши! А потом всё стопанули, и назад откатилось.

— Дела минувшие, Сева, что и говорить. Вот хороший куличик, попробуй.

— А как мы засланцев перевоспитывали, тех, что от укропов к нам пробирались! Волонтёры типа, без оружия. Но те ещё агитаторы. Мы парочку таких необстрелянных миротворцев взяли и после миномётных обстрелов трупы гражданских послали убирать. Вот тебе наряд вне очереди — развороченные тела таскать. А

их там только в одном троллейбусе столько набралось. Мы этих идейных прямиком с носилками – разбирать ноги, руки... а кишки?

Крупная девушка с чувственными ноздрями, старомодными завитками возле ушей и в платье с глубоким вырезом (хотя и прикрывала шалью, на шее игриво позвякивала дизайнерская вещичка – клеточка с игрушечной канарейкой) учащённо задышала.

– Ничего, Софьюшка, – ласково обратился к ней спутник, сорокапятилетний режиссёр-документалист Застрехин, – он ведь не сказки рассказывает, так и было. И что же, Сень, перевоспитали?

– А то! – Сева молниеносно опустошил очередной стаканчик. – Один после морга вены себе вскрыл, так что далеко нести не пришлось.

– Ну ты циничен, отрок! – пробормотал отец Прохор, ласково поглаживая серую рясу на груди. – А всё же поделом им. Заслужили.

– Но самое дело было, как я первый узнал, когда укры винный магазин разбомбили, – переключился Сева на историю, которые все присутствующие слышали раз десять. – Ведь как повезло! Я своим звоню – ору: мне туда грузовик срочно нужен! И не тяните, другие узнают, кто поближе к локации, всё выгребут.

– Какая у вас конкуренция! – заметил Застрехин.

– А то! – не отвечая на иронию, продолжал Сева. – Так вот: надыбали УАЗик, летим, там дверь в хлам, угол дома разворочен, балконы, как решето, а на складе всё целёхонькое: бурбон, ром, текила. Месяц, наверное, отрывались.

– Всё же я не понимаю войну, – не выдержала Софья.

– Ты и революцию не понимаешь! – потрепал спутницу по коленке режиссёр. – А надо тебе? Зато смотри, какие штучки красивые делаешь! – рука его переместилась было ближе к клетке с канарейкой, но суровый взгляд настоятеля остановил игривый жест.

– А что война? – конечно, грязь, – всё более хмелел Сева, и щетина его сердито топорщилась. – Но дело не в этом! Вот подумайте, ребята, подумайте, отец Прохор! Сколько народу подалось в эту мусульманскую шарагу, которая сейчас пол-Ирака и пол-Сирии оттяпала? По десять процентов населения или по пять из мусульманских стран?

– Это не всё так просто, – возразил Застрехин. – Смотря чья статистика.

– Да ты по телеку погляди, сколько они уже отбили, вот тебе и статистика!

– Злые языки говорят, за всем этим исламским государством Израиль стоит.

– Нет, погоди, не сбивай! Хорошо, пусть на Донбасс, когда заваруха началась, поехал хотя бы один процент россиян! Сколько бы там оказалось?

Отец Прохор отломил кусочек кулича и вдохнул ароматный запах, но не ел. Глаза его посуровели:

– Больше миллиона.

– Ты уж тогда процент от годных к призыву мужиков что ли считал! – уточнил въедливый Застрехин.

– Да не надо цепляться! В Отечественную и подростки бежали на фронт, и девчонки шли. Да явись даже двести тысяч, никакие укропы и американцы туда бы и кончика носа не сунули! А мы – нация предателей. По заслугам огребаем.

– Ну ты, предположим, не предатель, – примиряющее заметил Застрехин, – а вот я... Каюсь, собирался рвануть, когда в Одессе наших ватников сожгли, а потом в ДНР обстрелы начались. А вначале Лимонов на митинге в Новопушкинском хорошо так говорил о Новороссии! Но струсил я, не решился.

– Глупость! Ты сроду автомат в руках не держал. Тебя бы там сразу укололи... – в сердцах воскликнула Софья.

– Ну и пусть! Мог хотя бы умереть за хорошее дело. Пасть смертью храбрых.

– Смертью придурков! – отрезал Сева. – Дама права: не военному человеку у нас делать нечего, в смысле – на передовой. Такие, кто без навыка, кто, типа, как ты говоришь, «умереть за правое дело» приехал, – тут же гибнут. А ведь ты не только сам пропадёшь, ещё и своё подразделение, командира подведёшь, оружие про...ёшь.

– Выходит, он правильно остался в Москве? – Софье явно хотелось поучаствовать в беседе.

– Нет, ехать надо, но не в окопы. А в город, работать – хоть на то же телевидение. Но особенно нужны кадры школам, ЖЭ-Кам, больницам. Ведь почти все гражданские разбежались. Рес-публики поднимать, по большому счёту, некому. Оборонять ещё

обороняем, а жить. Да что говорить, мы своё заслужили, – вернулся Сева к излюбленной мысли.

– Ты всё о русских твердишь, а сам, поскреби, поди, монгол – глаз-то раскосый, – улыбнулся отец Прохор (цедил стаканчик за стаканчиком, но, в отличие от Севы, не хмелел).

– А Софьюшка у меня и вовсе цыганка, – поделился Застрехин, – даром что блондинка. – Но кровь дурная, горячая. А революции всё же не любит.

Софья взглянула на него осторожно, но не возражала. То ли не хотела спорить, то ли соглашалась с оригинальной версией своего происхождения.

– Друзья мои, – провозгласил отец Прохор на правах тамады, – вот вы говорите – русские, цыгане, жи...евреи, – поправился он, взглянув на Застрехина. – Я хоть к большевикам плохо отношусь, покойного Государя Императора почитаю, – он перекрестился на одну из икон, стоящую на старинном буфете, – но СССР тоже есть за что уважать. У советских людей достоинств много.

– И это правда! – согласился Застрехин, – в любой Таджикистан я мог спокойно приехать, и мне там сразу наливали. А какую киностудию в Душанбе застал!

– Погоди, погоди, товарищ режиссёр, – от поглаживания рясы и креста батюшка перешёл к бородке. – Так вот, давайте хорошую старую песню споём!

Все притихли. Знали любовь настоятеля к классике.

Он долил себе спиртного из пустеющего пакета, хлебнул, вытер усы, откашлялся.

*Когда весна придет – не знаю,
Пройдут дожди, сойдут снега...
Но ты мне улица родная
И в непогоду дорога...*

– полилось по наполненной винными парами трапезной, поднимаясь от сердца и уст к потолку, неожиданно нежное, нефальшивое.

– А я вот что предлагаю, отец Прохор, – перебил Сева (голос его зазвенел совсем по-юношески):

ПРОЗА

*По долинам и взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боя взять Приморье,
Подлых ВСУ ополот!*

– Народное творчество, между прочим!

Слушатели зашикали, даже Софья поглядела неодобрительно. А красивый, хоть и не профессиональный баритон отца Прохора набирал мощь.

*Теперь и сам не рад, что встретил, –
Моя душа полна тобой.
Зачем, зачем на белом свете
Есть безответная любовь?*

– драматически переливался куплет, а исполнитель лишь немного помогал себе жестом, плавно поводя несколько грубоватой кистью с толстым обручальным кольцом на пальце.

Он делал краткие паузы, эффектно доканчивал содержимое стакана и продолжал, наслаждаясь каждым звуком:

*На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя.*

– Дедушка мой двоюродный, между прочим, тоже хорошим композитором был! А тебе, Сева, всё шедевры переиначивать! Если хочешь из репертуара Гражданской, давай знаешь что...

В дверь трапезной постучались. Маленькая женщина вспорхнула под благословение настоятеля, благочестиво не замечая честной компании, почти прошептала:

– Там по поводу хора соискатель пришёл. Во дворе топчется. Ему подождать?

– Ну отчего же ждать, Марьюшка, зови.

Появился крепко сбитый молодой человек в костюме, словно ещё на размер больше, с широкими манжетами белоснежной сорочки, выглядывающими из-под рукавов пиджака, в лакированных штиблетах, чудом не замызганных зимним столичным полу-

снежьем. Довершали портрет галстук с широким узлом, под стать добротности всей фигуры посетителя, и внушительных размеров кожаный портфель. Слишком лёгкое для февральского вечера пальто гость предусмотрительно снял перед тем, как войти в трапезную, и перекинул через руку, что, впрочем, не помешало ему ловко перекреститься на один из многочисленных образов.

— Я от Караманова, отец Прохор, позвольте! — спешил гость под благословение за представившей его Марьюшкой.

— Вот, юноша зело образованный, хочет к нам в хор, — представил его хозяин. — А спеть сможешь? Мы тут как раз. Пригубить чарку дадим, если желаешь, — указал он жестом на новый пакет, уже установленный гостями на место опустошённого.

— Если у тебя в портфеле свой запас, не стесняйся, доставай, — радостно предложил задремавший было Сева.

— Не-е-е! — отказался проситель, — мне сейчас нельзя. А спеть... — он переминался с ноги на ногу, не решаясь сесть, и изредка бросал заинтересованные взгляды на Софью. — Конечно, можно. А в портфеле — ноты, не всё пока готов по памяти, к сожалению.

— Ты, вроде, бас? — отец Прохор по-хозяйски откинулся на спинку стула.

— Так точно!

— Тогда давай «Блоху!» — продолжал наседавать Сева. — Можешь, как Шаляпин? «Блоха, ха-ха-ха...а?» — вывел он, как назло почти срываясь на фальцет.

— Давайте лучше это, — после краткого раздумья предложил певец. Он внезапно преобразился, распрямилась спина, жилы под воротником набухли, белки стали большими, устрашающими:

*Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?» —*

*«Я скажу тебе, надежда православный царь,
Всё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ – темная ночь,
А второй мой товарищ – булатный нож,
А как третий-то товарищ – то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ – то тугой лук»*

Все бурно зааплодировали, а Софья кинула кокетливое: «Браво!»

– Славную песню выбрал, и момент подходящий! – расхохотался Застрехин. – Отец Прохор, берёте его в хор?

Смущённый исполнитель снова сжался, так и не решаясь сесть.

– Могу ещё арию Рокко из «Фиделио»...

Отец Прохор одобрительно улыбался.

– Ты присядь, печенье домашнее попробуй. Матушка моя готовила. Сегодня ничего решать не будем. Да мне и домой пора, засиделся я с вами, – он извлёк из толщи своей серой рясы уже бывалый смартфон в потрёпанном чехле и, видимо, обратившись к навигатору, сообщил:

– По пробкам два часа добираться.

– А наши донбасские песни всё же лучше! – затянул Сеня:

По долинам и по взгорьям...

У него тоже затрезвонил мобильник, и он, пошатнувшись, скрылся за дверью, ведущей в небольшую кухоньку и санузел. Оттуда быстро донёсся трёхэтажный мат:

– Я тебя когда просил ствол подогнать? А ты...тра-та-та... что сделал? И как мне теперь, тра-та-та, быть?

– Вы бы уняли хлопца, во храме мы всё же! – брови настоятеля, похожие на два древнерусских кокошника на кровле его церкви, недовольно насупились. – Вечно у него перебор!

Поскольку обращение не адресовалось к конкретному лицу, ближе всех его принял к сердцу будущий певчий, отчего ещё сильнее смутился. Перспектива унимать Севу явно не прельщала, и он попытался сменить тему:

– Иконы у Вас замечательные, отец Прохор.

— Заметил? Вот эта — из Франции. Ты в Кламаре бывал?

— Нет, я вообще всё больше учусь пока...

— Интересный город! Там Цветаева жила. И Бердяев. Помнится, как с одним местным экуменистом выпивали. Он мне всё: ваша страна опять угрожает миру! Ваша церковь идёт на поводу у власти! Даже священство у вас воинствующее... А я ему: да, Эжен, а вы нас хотели бы голыми руками взять? Вашей ПРО накрыть? Ну валяйте! Только у нас опыт больно богатый. Мы свои столицы и жгли, врагу не сдавая, и в блокаде от голода мёрли, но не покорялись. Потому что у нас — дух, а у вас — один голый комфорт. Полезете опять — первые сдохнете.

— Я не знал, что у экуменистов такие интересные темы дискуссий, — худой, непринужденно заплетающий в узел гибкие конечности режиссёр давно вертел в пальцах сигарету, но выйти покурить никак не мог собраться.

— Это он — экуменист. А беседы после двух бутылок бургундского — самое оно.

— Так что же Эжен?

— Выдохнул и ещё выпить предложил. Проставлялся то я!

— Ай, молодца! — одобрил Застрехин. — За наш счёт пьют, и нас же хают!

— А революция всё-таки нужна, и на Западе, в той же Франции, и у нас, — продолжил он любимое.

— Чем тебе нравится твоя революция? — не сдавалась София.

— Музыкой, девочка моя, музыкой! Блока почитай. Он давно всё сказал.

— Про каких-то пьяных бандитов? Теперь это даже в школе не проходят.

— Ну ты-то достаточно взрослая, успела пройти! — намекнул Застрехин на Софьин возраст, который она и её мама, коллега Застрехина с одного из второстепенных телеканалов, любили в беседах с мужчинами сильно преуменьшать.

Софье сильно захотелось врезать другу под дых, но она сдержалась.

— Не цепляйся к словам. Если случится революция, вместо музыки тебя или меня могут запросто застрелить.

— А иных, может, и стоит... — словно сам себе сообщил настоятель.

— Что стоит?

– Ликвидировать. Даже очень многих стоило – прежде, в том же тридцать седьмом. А сейчас и подавно! Изменников, клеветников, ростовщиков! – последнее он повторил особенно грозно и даже обратился к той стороне света, где, по его мнению, засели главные ростовщики. – Как сказано: «Если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сём, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти...». Или вот, – заранее извиняюсь перед дамой, – ещё: «Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти!»

Застрехин даже сломал сигарету; его мясистые губы лоснились от удовольствия:

– Либералы Вас за эти цитаты ненавидят, отец Прохор!

– А я, между прочим, многих из них близко знаю. И даже детей кое у кого крестил. Среди либералов немало умных людей попадает.

– Как сложно: либералы, коммунисты, патриоты, – наморщила носик Софья. – Геночка мне каждый день объясняет различия, а я всё равно путаюсь.

– Ты просто выпей ещё! – посоветовал режиссёр.

Смолкнувший было за кухонной дверью мат вспыхнул с новой силой. Сева пронёсся через трапезную и, бросив: «Я – курить!», не отнимая трубки от уха, вылетел в другую дверь.

– Ох, не уйду я сегодня! – жалобно заметил батюшка, но тут же подлил себе ещё винца. – Давайте на посошок и расходиться. Да и ополченец наш как бы в сугробе не прикорнул. Кому его откапывать – Марьюшке?

Молодой бас услужливо помог отцу Прохору облачиться в поношенный пуховик.

– Вы тут пока всё доедайте-допивайте и отчаливаем потихоньку, – ласково наставлял батюшка Застрехина и Софью. – Матушкино печенье удалось? Так и не сказали!

Священник попрощался с певцом, пообещав, что такси поймает сам.

Сева печально опирался на стену приземистой колокольни, стоящей отдельно от храма и так же глубоко ушедшей в землю. Сигарета уныло дымилась в углу рта.

— Отец Прохор! А знаете, как мы квартиру охраняли... — продолжил он некогда прерванный рассказ. — Бизнес-вумен одна из города сваливала, а обстановку не хотела на произвол судьбы бросать. А мою квартиру как раз расхерачило в хлам.

— Разбомбили?

— Да нет! То-то и оно! Батарею прорвало. Ночью сплю, — бах!!! Думал: прямое попадание. С дивана на пол слетел, а рядом кипятильник из стены хлещет. Авария. И фиг знает, где перекрывать это дело. Звоню министру коммунального хозяйства, благо, номер под рукой. Говорю: ну братцы, я вашему ведомству от моего ведомства устрою завтра! Быстро ко мне аварийную бригаду гоните, диктую адрес. В общем, воду перекрыли, но ремонта не дождётся. А тут подвернулась эта баба с квартирой. Шикарные апартаменты. Плазма во всю стену. Медвежья шкура на полу. Хрусталь. А спиртного! Весь бар забит. Конечно, квартирку мы подзасрали со своими пулемётами, но всё же разграбить не дали.

— Слушай, Терминатор, — наконец вставил слово терпеливо ожидающийся финала исповеди отец Прохор, — ты когда мне вот эту стенку поможешь снести?

Он указал на покосившуюся кирпичную громаду, нависшую почти над входом в церковь.

— Я инспектора горнаследия вызвал, а он только руками разводит. Факт совершения преступления, говорит, не зафиксирован. Я ему тычу в кирпичи: а что тогда это такое? Новодел в охранной зоне памятника! Частная фирма отгрохала, наплевав на все правила. Там у них ресторан, видите ли. И ещё какие-то амбалы расхаживают рядом, попробуй им слово скажи. А инспектор только мычит: вот если бы во время строительства их накрыть, а теперь что сделать? Денег, видимо, ждал. Они же все мздоимцы.

— Отец Прохор, — Сева уронил сигарету в сугроб и, тщетно пытаясь её найти, едва сам не рухнул, — мои пацаны скоро подтянутся из Луганска, и мы вопрос обязательно решим. Во всяком случае, постараемся. А у меня тут, знаете... котёнок помер.

— Которого ты на прошлой неделе подобрал?

— Ну да! Больной оказался. И вдобавок Марту заразил. Теперь её тоже к ветеринару вожу. Может, оклемаётся. Как Вы считаете?

— Эх, Всеволод. Ну что с тобой поделать. Ты с матерью-то хоть общаешься?

– Какое! Хорошо хоть квартиру у неё отсудил. А то бомжевать бы пришлось. Но больше встречаться желания нет. Поделили жилплощадь, и слава богу. Она отцу жизнь здорово попортила, и мне пыталась. В итоге то в Питер, в мореходку от неё сбегал, то в Луганск. А вот кошек жалко. Аж до спазма в горле.

Слёзы навернулись в Севиных глазах.

– Ты что-то совсем щетиной зарос. Как Джугашвили в ссылке, – улыбнулся отец Прохор.

– Какой Джугашвили? Сталин что ли? Я Вам так скажу. Стенку мы Вам снесём. Но главное, попомните моё слово, рано или поздно заваруха и здесь начнётся. И тогда мои ребята ещё себя покажут. Одной стенкой дело не обойдётся. Опыт боевых действий в условиях мегаполиса имеется.

– Я смотрю, вы опять о революции! – режиссёр со спутницей появились в дверях храма.

– Ты мне тоже божился помочь, народоволец ты наш! – напомнил священник, – фильм о наших захоронениях когда начнём снимать?

– Божиться не божился, я атеист. Но фильм сделаем. Только с датировками у Вас не слишком ясно. То ли там одни Долгорукие лежат, то ли другие. Нужно ещё в архиве рыться. А времени не хватает.

– Можно подумать, ты так занят! – предательски заметила Софья. – Напиши маме. Может, она бюджет выбьет.

– Софьюшка, родимая, что нам бюджет! Я наследство в Севастополе, городе русской славы, получил! Квартиру! Наконец с бывшей женой перестану бодаться. Поедем в Крым вместе. А весной ещё в Переславль рванём, там тоже полдома моих. Отец Прохор, и Вас милости просим! У меня в погребах настоечка припасена – на вишнёвых косточках. Но Севастополь – лучше! Там – Малахов курган, там – герои.

– Эх, раззадорили, лукавые! – признался отец Прохор и затащил, сначала почти шёпотом, а потом всё громче:

*На Малахов курган
Опустился туман.
В эту ночь вы на пристань пришли
Проводить корабли.
И с тех пор в краю любом
Вспоминал я милый дом...*

– Ну давай стремленную что ли!

Режиссёру дважды объяснять не пришлось. Из кармана бывалой кожаной куртки появилась фляга, уверенной рукой плеснул в крышечку-чарку.

Оглянувшись – не пялится ли кто с ярко освещённой улицы через невысокую калитку, батюшка опорожнил стопку и продолжал, выдавая посильные фиоритуры:

*Севастопольский вальс,
Золотые деньки;
Мне светили в пути не раз
Ваших глаз огоньки.*

– Ну заказывай мне машину в вашем «убере», а то в глазах двоится, – протянул он смартфон никогда не пьянящему Застрехину.

Сева застыл неподвижно, лбом уткнувшись в дородное плечо Софьи (та возмущения не выказывала). Такси подрулило к ограде храма через пять минут. Отец Прохор наскоро благословил друзей.

– Седельную, отец Прохор! – очнулся Сева, когда дверца уже захлопнулась за настоятелем.

– Я тебе устрою седельную! – погрозил тот в окно. – Готовься стенку крушить, боец!

Из-под колёс замызганной «Тойоты» полетела грязь, и такси едва не занесло на тротуар.

А в двух шагах привычно кипело вечное движение на одной из шумных столичных площадей.

Довольный Застрехин привлёк к себе Софью и по-хозяйски поцеловал взасос. Она счастливо взвизгнула. Отчего-то ценила его внимание, впрочем, не надеясь удержать надолго.

– Сев, тебя до метро довести? – участливо поинтересовался режиссёр. – А то мы по бульварам ко мне пешочком. Тебя не приглашаю, не уверен, что Тамара нас-то с Софьюшкой спокойно примет. В прошлый раз с вечеринкой переборщили. Боровицких вообще больше не позову, слишком много посуды бьют.

– Да ладно! – махнул Сева рукой. – У меня дома Марта одна, ей укол нужно делать по расписанию. Думаешь, поправится?

ПРОЗА

Я ведь её из Луганска привёз. Считай, хоть и животное, тоже боевой товарищ.

– Конечно, поправится. Ты не грусти! Слушай, – Застрахин отчего-то замялся. – Всё хочу спросить. И Софьюшка очень интересуется.

– Ну что, говорите?

– Ведь там у вас всех позывные были? – Гиви, Моторолла, – ты прости, что я покойных перечисляю.

– У тех, кто пропал, были, и у тех, кто пока жив, остались, – спокойно и неожиданно трезво ответил Сева.

– А какой позывной у тебя? – спросила Софья. – Если не секрет, конечно.

– Не секрет. Видела мой ник ВК?

– Не-а!

– Остров. Это и есть позывной.

– Как красиво... Поэтично! – промолвила Софья, поглядев на Севу почти влюблённым взглядом, который Застехин отметил, впрочем, без всякой ревности.

– Обычное, есть и поэтичней.

Я пошёл короче, – и Сева развернулся с ходу на сто восемьдесят, едва не улетев под промчавшийся мимо церкви троллейбус.

Наконец они расстались – такие разные и не похожие русские люди. Разошлись, думая о том, что вскоре встретятся снова. Выпить вина, спеть любимые песни и поспорить о всём том важном и бессмысленном, о чём спорили их предки, – кажется, с тех пор, как появился здесь храм, притаившийся за старыми и новыми домами и сугробами, покрытыми вечной копотью.

ноябрь 2018

Новогодний этюд

Проходи быстрее. Чего стоишь? Замерз, наверно? Ну, проходи, давай. Не крутись возле двери. Идем скорее на кухню, чай стынет. У меня есть потрясающая новость. Садись. Грейся.

Знаешь, вчера кончилась жизнь. Ну что ты так опять на меня смотришь? Я это не выдумала. Прошел еще один год. Он умер. Правда, замечательно? Вечером смотрела в окно и наблюдала его медленную поступь. Ты считаешь меня глупой, но я зачем-то бросилась в коридор за платком, который ты подарил в прошлую новогоднюю ночь. Мне просто подумалось, что укутавшись в него и выбежав в декабрьскую ночь, я смогу задержать время. Потом, конечно, опомнилась. Так и села на стул в прихожей... В платке и одном сапоге. Правда, смешная? Потом подняла глаза и посмотрела на календарь. Последний лист. 31 декабря. Он был такой одинокий, и я его оторвала. Простившись со мной так легко и ненавязчиво, год полетел в корзину для бумаг. Не стала ждать полуночи. Ты же знаешь мою привычку менять числа с последним боем курантов. А вчера я впервые изменила себе.

Пей чай. Ты сегодня какой-то другой. Молчаливый. Что-то случилось? Нет? Прошлым утром я погрузилась в детство. Посреди комнаты поставила елку. Она такая пышная... Надо же, первый год не обманули. А запах... Хвойный, смолистый, чистый заполнил всю квартиру. А я, как маленькая, радовалась и вдыхала его. Потом залезла на антресоль за игрушками и чуть не упала со стремянки. Напугалась. Все думала, что надо было дожидаться тебя, но очень хотелось сделать все самой. Вообще в последнее время я стала рассеянной. То забуду, какое число, то потеряюсь во времени и пространстве. Как хорошо, что у меня есть ты. Я же про елку рассказывала. Достала коробку: игрушки... Сколько их у нас. Даже забыла. Там шары всех цветов: красные, зеленые, фиолетовые, серебристые... А «сосульки»? Вот ведь с детства прицепилось название. Шишки, хлопушки, мишура. Знаешь, все разложила на полу и сидела слушала детство. Жалко, что я не маленькая. Как же я тогда все это любила. Летела впереди всех, чтобы первой успеть повесить шар на елку, а родители поддава-

лись. Это я сейчас понимаю, а тогда было весело. В то время я заливалась безудержным смехом, мне было весело. Вчера же с блуждающей улыбкой и неспешно я украшала елку. Но что-то в этом было новое, неизвестное мне до сих пор.

А почему ты вчера не пришел? Не позвонил? Я тебя ждала. Молчишь, опять молчишь. И вот так всегда. Приходишь, пьешь чай, слушаешь меня... И ни слова. Нет-нет, я не сержусь, даже не думай. Просто я волновалась за тебя. После елки я занялась приготовлением новогоднего стола. Все по привычке: шампанское, оливье... К вечеру вспомнила про мандарины. Хотела позвонить тебе, но телефон разрядился как нарочно. Тогда-то я и увидела в окно, как медленно уходит год легкой, воздушной, еле заметной походкой. Чуть слышно поскрипывал на морозе снежок. Счастье... Да, я ощутила счастье. Такое безмерное и по-детски наивное. Зачем побежала останавливать? Не понимаю. Меня буквально тянуло на улицу... Я сидела в коридоре минут двадцать в платке и одном сапоге в полной задумчивости, пока меня не вернул к действительности звонок. Я не сразу сообразила откуда он: хлопала по карманам в поисках телефона и только потом пошла открывать дверь. Ты всегда меня ругаешь, если я не спрашиваю: «Кто?» Конечно, опять забыла. Ну, подожди, не начинай. Давай в этот год не будет ссор. Пришла соседка, тетя Клава.

Помнишь? Полненькая, с добрыми глазами женщина. У нее всегда напояженные сиреневые волосы. Из 39 квартиры, что на третьем этаже. Ты еще ее называешь.... Вертится на языке... Вспомнила, женщина – вечный праздник, за вечный салют на голове, улыбку и запах. Только я до сих пор считаю, что ты к ней относишься предвзято. Ну да ладно, не об этом сейчас. Зачем она зашла?

Первое, что она мне сказала с порога:

– Леночка, не будет тышчонки на неделю?

В другое время, я, может быть, и дала. Но вчера... мне хотелось мандаринов. Ты просто не представляешь себе, как сильно они были мне нужны. А я в платке и сапоге... Тетя Клава смотрит на меня и говорит:

– Вот ведь, вертихвостка, опять куда-то на ночь глядя собралась. Ничего от нее путного, – и, правда, подшофе, но я списала все на новогоднюю суету. – Носится, носится целый день. Ни

мужа, ни детей. Как же Люська-то переживала. Не дожила, бедолага, до внуков.

Первая пришедшая в голову мысль: «Началось. Сейчас маму из могилы поднимет, потом всплакнет про сына Петьку. Он у нее то ли слесарь, то ли механик. Про то, что с женой ему не повезло. Сидит у него на шее. Да еще и «спиногрызы» (так она зовет своих двоих внуков)»

— ...опять в положении.

Видимо, пока я думала, она что-то говорила. Решила все же уточнить.

— Кто в положении, тетя Клава?

— Леночка, ты, что совсем меня не слушала. Так Машка, коза драная. Жена Петькина. Еще одного «спиногрыза» вздумала ему на шею повесить. Мало ему забот. Работает, не разгибаясь. Мать родную забыл совсем.

Смотрю, сейчас расплачется.

— Тетя Клава, так он же к вам вот на днях заходил.

А он действительно, дня три тому назад приходил к ней. Я как раз в магазин шла. Столкнулись в дверях. Весь какой-то серый, хмурый, потрёпанный жизнью. Куда делась вся его стать? Видный же парень был. Не смотри так, я тогда совсем девчонкой была. Просто слышала разговоры.

— Эх, деточка, чтобы ты понимала. Вы ж для нас до конца жизни будете птенцами бесперыми. А мы должны мучиться, переживать, сдувать с вас пылинки. Так нет тысчонки?

Вот ведь старая. Мне совестно, но:

— Нет. Последняя у самой до зарплаты осталась.

— Извини, старую. Нагрузила тебя своими проблемами. С наступающим.

— С наступающим, тетя Клава.

Закрыла за ней дверь и вздохнула с облегчением. Обулась, оделась и побежала в ближайший магазин за мандаринами.

Я была права. Морозец. Ночь. На небе яркие звезды. Полная луна казалась ярче чем обычно. В воздухе кружился в последнем танго снег. Белые деревья. Сказочное время. Вокруг блуждает волшебство, осязаемое лишь на кончиках пальцев. Меня никогда не пугали морозы, я радовалась им. Рвалась скорее на улицу, едва проснувшись. Правда раньше мою прыть сдерживала мама... Было странно, когда люди вокруг поднимали воротники и прятали в

них свои лица, в надежде сдержать естественное тепло. А со мной все иначе... Курточка, легкая шапочка... И вперед, покорять зиму...

Пока шла, только успевала отскакивать в сторону от пролетающих мимо снежков. Дети... Это их пора. Снежные горки, крепости... Помню, когда была маленькой, очень любила эти ледяные спуски. Сядешь на санки, сзади тебя легонько подтолкнут, секунда...и ты летишь вниз. Ветер в лицо, щекочет своей прохладой щеки. Я почему-то всегда закрывала глаза. Тогда казалось, если не видеть, где заканчивается горка, то этот спуск вниз будет бесконечно долгим. А потом бегом вверх, за новыми ощущениями. Шум, смех... А к вечеру бежишь домой вся сырая и думаешь: «Опять попадет от мамки». А воскресные прогулки с родителями в лес... Как я их всегда ждала. Чистый, переливающийся на солнце серебром, снег. Хрустальный воздух и звенящая тишина. Стараешься ступать легко, а слышишь: «Хрусть, хрусть, хрусть...» Каждый шаг эхом разносится по заснеженному лесу... Может, нам как-нибудь выбраться за город? Давно уже не была, даже страшно подумать, сколько.

Ты же знаешь, как я люблю зиму. В это время просто оживаю. Так хочется, чтобы она была вечно. Наверное, поэтому ты зовешь меня Снегурочкой?

Домой я вернулась с пакетом мандаринов. Но теперь они стали вдруг не нужны. Почистила парочку, напуская легкий эфирный запах перемен. Съела без особого энтузиазма. Я тебе говорила уже, что ждала тебя? Конечно, говорила. Накрыла стол. Свечи. Включила «Времена года» Вивальди. Слушала и думала. Почему именно ты? Сколько уже прошло лет? Пять? Шесть? Да, в этом году будет шесть.

Помнишь нашу первую встречу? Тогда тоже был новый год. Одна. Никого не ждала. Мама уже лежала в больнице. Бедная, сколько она мучилась. В тот день, ближе к обеду, я вернулась от нее. Было около полуночи, когда раздался звонок в дверь. Открыла.

– С наступающим,— сказал ты.

– С наступающим.

Я смотрела на тебя. Высокий, стройный. Не знаю почему, но тогда мне показалось именно так. На тебе было темно-серое пальто, на котором поблескивали растаявшие снежинки. Помню,

поймала себя на мысли, что хочется протянуть руку и стряхнуть эту ненужную влагу. Волосы от сырости торчали в разные стороны. Что вызвало у меня улыбку. Но было в тебе что-то родное, близкое. Твои глаза... Глубокие, голубые магниты, иначе их нельзя назвать. Они притягивали к себе, будто просили: «Смотри и не отрывайся». Так и получилось.

Как потом оказалось, ты ехал к знакомым справлять новый год. Но, видимо, провидение заставило вбить в навигатор неверный адрес. После той ночи мы практически не расставались. До вчерашнего дня...

В полночь я открыла шампанское, зажгла свечи. Послушала куранты. И загадала желание. Сказать, какое? Тебя. И вот сегодня ты здесь. А дальше все было как всегда. Салюты до утра. Взрывы петард. Люди гуляли всю ночь. А я сидела в своем любимом кресле с фужером игристого и слушала Вивальди. Странно, но под утро стало неожиданно тихо.словно город вымер. Такая гнетущая тишина стояла, что у меня разболелась голова. На душе было тоскливо от неизвестности. Она пыталась заставить меня построить планы на год, но я их не люблю. Никогда не планирую, потому что ничего не получается. Просто живу будничной суетой. Иногда кажется, что с головой погрязла в этой рутине. Но миг, такой крошечный, никому не заметный момент, и открывается второе дыхание. Хочется свернуть горы, покорить бескрайние просторы... Лететь, дышать, ждать чего-то нового... Сейчас ты скажешь, что это блажь, детская наивность, но это не так. Сработал выключатель. Сменил тьму на свет. И жизнь снова бьет ключом и сияет разноцветными красками, как моя елка. Ты со мной? Давай руку. Вместе шагнем в этот новый мир. Посмотри, как он чудесен и светел.

Опять переминаешься с ноги на ногу, боишься рискнуть. Ты прагматик. Привык просчитывать каждый свой шаг. Буквально до миллиметра. Сначала я злилась. Перестала. Нет смысла менять то, что теперь вызывает лишь улыбку. Ты сложный в своей серьезной простоте. Но такой родной... Я не знаю уже, как жила без тебя.

Впереди новая жизнь. Двенадцать месяцев, что ходят циклично, триста шестьдесят пять дней... Много? Безумно много и одновременно слишком мало...

ПРОЗА

За окном стоял июль. Жара. Воздух в палате разогрелся до невыносимости. Он сидел возле кровати его Лены и держал ее за руку. Скорее всего, в последний раз. Врачи обреченно качали головой на все его немые вопросы. Длинный сигнал... сердце остановилось. По небритой щеке скатилась скупая мужская слеза. Они были вместе пять лет. Это были самые счастливые годы в его жизни. В этом году, на годовщину знакомства, они планировали свадьбу... Но судьба, которая их свела, решила иначе.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом

Анна Мартышина

С Анной Мартышиной я сначала познакомился заочно, читая ее стихотворения в Интернете. Это были просто отличные тексты. Потом была переписка, затем – приглашение на фестиваль Поэзии Поволжья. С этого фестиваля и началось общение. 1-2 раза в год мы видимся – в Пензе или в Тольятти. Предлагаю Вам интервью с пензенским поэтом.

Сергей Сумин

– Анна, мой первый вопрос, как все началось? Откуда пришли стихи, строчки, образы?

– Еще до школы я писала своеобразные рассказы-робинзоны о том, как спасаются от всяческих природных катаклизмов коты и собаки. Они попадали в пустые магазины, набирали себе запасы еды, прятались в больших подземных пещерах, где им было максимально комфортно (там тебе и печка, и телевизор, и книжки). Видимо, повлиял непосредственно «Робинзон Крузо», которого мне по очереди читали родители. Потом лет в 7 написала типичный стих про весну, которая развесила сережки по березкам, и на этом дело с поэзией затихло вплоть до средней школы. Я была впечатлительным подростком: мистика, религия, история, фантастическая литература, – такие были первые творческие источники.

– Как сложилась твоя творческая манера? Кто повлиял? Любимые поэты?

– На меня (думаю, очень предсказуемо) повлиял Серебряный век, из которого сейчас нежно люблю Мандельштама и Маяковского. Большим потрясением была классическая проза: Достоевский и чуть позже Набоков (его до сих пор считаю непогрешимым гением в прозе). Нравится эстетика Лорки, Виктора Сосноры, трогают многие вещи из Бродского. Еще – стихи, положенные на музыку: Высоцкий, Летов. Особые отношения с Глебом

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Самойловым, чьи тексты очень часто откровенно провальны, но как зацепила меня эта неоготическая атмосфера еще в детстве, так и не отпускает.

– Как ты пишешь? Циклами, урывками, медленно или быстро? Как понимаешь, что текст готов?

– Пишу по-разному, циклами почти никогда. Сложно как-то формализовать ощущение, что стих готов. Иногда и вовсе этого не понимаю – мучаю его долго, потом останавливаюсь, обрубая и так оставляю.

– Как влияет на тебя как поэта место проживания? Что такое Пенза? Как здесь тебе пишется?

– Я родом из Ртищева – небольшого села в Пензенской области. В детстве считала, что все эти нескончаемые поля, березовые посадки, речка – принадлежат мне. Можно целый день идти и никого больше не встретить.

Пенза – город студенческой жизни, необходимости быть взрослой, решать скучные и нескучные проблемы. Еще – это место, где я впервые попала в живую литературную среду, познакомилась с интереснейшими людьми, встретила любимого человека. И еще – это родина великолепных Белинского и Лермонтова, которых сейчас пытаются «причесать» и сделать такими административными символами. Но это невозможно: мало есть авторов, менее подходящих на роль «придворных поэтов».

Пишется здесь как обычно: мне не с чем сравнивать, так как я нигде, кроме Пензы и Пензенской области, подолгу не жила.

– Расскажи о литературной жизни своего города. Какие журналы, тусовки, мероприятия тебе здесь интересны?

– Для меня самым важным этапом не только литературной, но и всей моей жизни вообще стал клуб «Берега», работавший при журнале «Сура». Там я познакомилась с Лидией Ивановной Дорошиной – поэтом, великолепным организатором и человеком, благодаря которому я другими глазами посмотрела на то, как пишу. Там же я встретила Антона Шумилина, Сергея Жидкова,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Юлю Арямову, Марину Герасимову, Веру Дорошину, Аню Коржавину, Ксюшу Мосину, Александра Фролова и многих других творческих людей, ставших мне друзьями. К сожалению, сейчас я в работе клуба не участвую по разным причинам, и не знаю, функционирует ли он по-прежнему.

До сих пор регулярно выходят сборники под названием «Четверги», но, насколько мне известно, теперь их основу составляют работы клуба «Я сень» – он отделился от «Берегов» по принципу возраста участников.

В Пензе есть и другие литобъединения, например, клуб «Ключи» (у них недавно вышел первый сборник), «Геликон». Про их работу мне не много известно.

– Мы в Тольятти проводим фестиваль поэзии Поволжья. А что у вас с фестивалями, книжными проектами?

– В Пензе на регулярной основе проходит фестиваль поэзии и авторской песни «Часовые любви», в 2016 состоялся Музыкально-поэтический фестиваль в рамках арт-проекта «Золотая пирамида». Наверняка много и других мероприятий, о которых я не знаю.

Самым урожайным на интересные литературные проекты в Пензе стал 2015 год. Это и поэтические дуэли «Слово за слово», которые организовал Дмитрий Баранов, и проект «Суд и суть» Веры Дорошиной. Настоящий глоток свежего воздуха, много новых людей, компетентное жюри, необычные для города форматы.

По моему ощущению, сейчас в литературной жизни Пензы очевидный застой, надеюсь, это копится энергия.

– Каково сейчас поле современной русской поэзии? Кого бы ты выделила за последние 18 лет нового века?

– Вопрос для меня слишком глобален, так как поле это огромно, разношерстно и разномастно, и даже если бы я занялась этой проблемой серьезно, все равно не получилось бы вычленить все достойное. У нас в Пензе, помимо тех, кого я уже называла, работает поэт Владимир Навроцкий, не так давно отсюда переехала Софья Амирова. На фестивале познакомилась с творчеством Андрея Пермякова, Николая Васильева, Бориса Кутенкова –

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

очень и очень круто. Подписана на паблики Анастасии Спивак, Александра Петрушкина, Катерины Кюне. Нравится Юлия Идлис, Ольга Седакова, некоторые вещи из Дмитрия Воденникова, Александра Пелевина, еще многие, чьи стихи читаю, но не запоминаю имен. В целом, как мне кажется, русская поэзия сегодня – это огромный неохватный массив, и отдельный человек способен своим вниманием высветить в нем только небольшую часть.

– Ну, а вообще писание в столбик, поэзия, как долго, по-твоему, просуществует? Что ожидает ее лет через 20, в эпоху роботов, виртуальных пространств, голограмм и айпфайфов?

– Для меня поэзия в первую очередь – диалог с самим собой, поэтому она не потеряет актуальности никогда, даже если роботы будут ежесекундно выдавать по миллиону гениальных творений. Ведь уже давно невозможно прочитать все стоящее, какая разница, что этого стоящего будет в разы больше.

Стихи ценны субъективным началом, переосмыслением жизни, смерти, мировой культуры с точки зрения одной личности. Возможно ли у роботов сознание? Будет ли оно у них? Сейчас на эти вопросы ответить невозможно. И если даже ответ утвердительный, это все равно не лишает ценности творчество человека, ведь субъективный опыт уникален, а критерии гениальности относительны.

А писание в столбик – это естественный способ организации ритмического текста, поэтому пока будут такие тексты, столбики тоже никуда не денутся.

– Последний вопрос традиционный – твои пожелания альманаху «Графит»?

– Не переставать быть! Развиваться, находить новых авторов, совершенствовать свое литературное пространство.

Декабрь 2018 г.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Анна Мартышина

Смерть – еще не конец, еще не конец, милый,
Веточки горизонта гнутся, но не ломаются,
С неба вода утечет, нас умыть не останется,
Легкие волны жгут, мажутся и кусаются,
В чистые глазки капаю звонкие слезы силы.
Я себя передумала, высказала, забыла.

Ластиком золотым солнце сотрет систему,
Выстроит новую из обожженной глины,
В музыке чистого жжения – каждая тварь невинна,
Эти клыки – ангельские, эта любовь – звериная.
Мы прорастем в вакуум, зеленоглазый демон,
В ядерном бестиарии – проговоренная рема.

Время потряхнет соснами, вспомнить меня и вытопчет.
Смерть не конец – вырванное, выжженное движение,
Тело течет музыкой, камни боятся трения,
В теплых мозгах – хрусткое электричество.
Заговори заново, ласковое величество,
Мы зарастим мыслями самую суть зрения.

К вечеру затихает броуновское движение
тел в голубых рубашках, смазанных освещением.
Все разбредаются по тетрадным клеточкам
делиться, складывать, смешивать, вычитать.
Я не умею что-нибудь им сказать.
Я помещаюсь в такой же тетрадной клеточке,
между которой с первым попавшимся знаком
можно поставить уверенное «равно».

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Каждому здесь единственное «дано»,
заданный курс поиска дискриминанта.
Сны с невысокими старенькими атлантами,
про неживых героев пластмассовое кино.
Можно поставить уверенное «равно».
В каждую клеточку здесь умещается деточка,
Чтобы потом заполнить другую пустую клеточку.
Верхние уровни достигают звания «санта».

Клаус, Святой – и одаривают знаменьями,
черными мощами, длинными стихотвореньями.
Ниже – другие прочие, ждущие радости,
знающие, что сказать всяким Есениным и Петраркам,
суровым кнутом, пряниками и подарками,
чтобы они меньше марали строй.
Где-то к концу – розовенький конвой,
плотные, за поля забегающие солдатики,
телами своими образующие кресты и свастики.

Вместе – уверенная тетрадь правильного отличника,
каждая запятая пухленькая и приличная.
Я не сумею что-то ему сказать.
Несколько лет назад стоило вылезать
из освещенных ясным очкастым взглядом маленьких клеток.
Где мне набрать для вас одинаковых деток,
свежих, квадратных, радостных малолеток
с пальчиками в бабочках и халве?

Черные мысли плавают в голове,
кляксами портят радостную страницу.
К черту тихие гавани, умершие в руках синицы.

Я растекаюсь в тетради всеми на земле лавами.
Ему придется все начинать заново.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Светлые звуки, льющие крысоловов,
Музыка – по хрустальным, чистейшим ребрам...
И в позвоночник.
И вырвется горлом, словом,
Выпотрошит и оставит пустым и добрым.

Сонная память тончайших паучьих лапок,
Вся обреченность и сладкая дрожь смерти –
Так ускользает сок из холодных ранок
Жирной земли, для которой растут дети.

Я забываю бояться, глядя в утробу
Смерти из мяса и смерти из хризолита.
Звонкая пустота моего гроба
Солнечным естеством изнутри облита.

Ясная пустота и сквозная яма,
Солнце из душного, яблочного нектара.
Ветер по ребрам – горячий и нежный самый.
Музыка на губах отдает пожаром.

Гулкое онемение вздрогнет и упадет
Белым масляным словом в красный горячий рот.
Головы перепутает ватная тишина.

Ночь без конца пуста и всегда одна.
Вычищена до блеска и до черна.
Гладкое горло её высотой гудит.

Многие были – сплавился монолит.
Он ничего не знает, живет и спит.
В мягкое тело росточек живой ползет.

Влажным зеленым словом в гулкий немой рот.
К мозгу – по венам, косточкам и траншеям.
Делаясь больше, ласковее, страшнее.

Мир, истончаясь, стынет и хорошеет.
Всякая краска сползает – белое говорит.
Крошечное сознание льдинкой во рту болит.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

В рыхлую темноту забродившей дворовой зелени,
Взбитой ветрами, закатами, разговорами,
Мордой бы втиснутся и запечатать щели
Крепким дождем, раздробившим детей и собак.
Рыхлое тело мое перемотано тряпками,
Частыми тряпками в радостные горошинки.
Нюхом слабеющим я нахожу трещинки
Мира, разлитого воплями по мозгам.
Живородящая грязь, первородная глинистость
Сочных ухабов, лоснящихся жирной органикой,
Так замерла, будто носит в себе радугу
Или случайно зачатое божество.
Как разглядеть его утробное бдение?
Дыры краснеющих глаз обросли поволокой лаковой.
Вижу – холмы шевелятся.
Черви ползут к свету.
Места в земле нет.

Как ни будь

В грубоватых атомах прячется тонкая суть,
Многословный запас, запароленный быстрым qwerty –
Ускользающий, тонкий дефис между как к нибудь
От вопроса до пожелания легкой смерти.

Как ни будь, а – на выдохе – будешь: свинцом, водой,
Клочковатой грязью, бросающейся под колеса.
И вечерней тенью, растущей от носа к носу
У каких-то живых и похожих на нас с тобой.

...Самый воздух по банкам – и закатать на смерть.
Чтобы после открыть и досыта надышаться.
Ведь до черных дней нам долго еще чернеть,
Горячо зализывая язвы протуберанцев.

А когда прольемся, остынем и изойдем,
Так, что нечем будет смотреть и задавать вопросы,
Закопают бережно в праздничный чернозем –
Носом к носу.

Парадокс сюра и сюр парадокса

Жизнь – это вечно повторяющийся фальстарт. До вожделенного старта не доживает никто.

Любую цепь можно разорвать, кроме цепи непредсказуемых случайностей.

Правда – это смесь верного и невероятного.

Когда два картежника играют в шахматы – они все равно играют в карты.

Человек стоит столько, сколько килограммов золота он может за ненадобностью выкинуть из своего ума.

Если ты идешь по следам карлика, не надейся стать великаном, но, если ты пойдешь по следам великана – ты утонешь в его следах и станешь карликом. И мелкая и великая твоя цель – самообман.

Чтобы не прогадать – надо не гадать.

Если камень мнит себя горой – он непереносим.

Пока еще в твоей душе не совсем пусто и безсветло, успевай умереть – станешь в ночи светлячком, переполным и пересветлым.

Где много веревок, там неувязки.

Когда умирает роза, смерть начинает благоухать.

Крайне важное доводит до крайностей.

Не улучшай хорошее, ибо хорошее для хорошего, а улучшай лучшее, ибо ему нет границ.

АФОРИСТИКА

Нет разницы какими руками, грязными или чистыми, ты возьмешься за ум – всё равно замараешь их собственным мозгом.

Против течения можно плыть – но против течения бесполезно голосовать.

Живи в каждой секунде, чтобы минутная грусть тебя не поглотила.

Хочешь познать человека – познай его шаблоны, хочешь понять человека – найди в нём нешаблонное.

Каждый имеет право, и право имеет каждого.

Жизнь – это закономерности, которых воля случая превращает в лотерею. И там истину найти нельзя, и она висит в безвоздушном и безжизненном пространстве между закономерностью и случайностью, и никогда с ними не совпадёт.

Если ты потерял совесть – может, это и к лучшему – кто-нибудь найдет твою совесть и станет порядочнее.

Жизнь – это вечное совращение.

Вожделение – вождь человека.

Если ты попал в точку там, где точки нет – там скоро появится многоточие, а ты окажешься совершенно обесточенным.

Жизнь бренна, потому что вечна, и только смертность ее фрагментов придает ей ценность...

Наша цивилизация – это спектакль, в котором обезьяна играет роль человека, но эта роль для неё оказалась слишком сложна, поэтому она наплевала на сюжет и всё стало неуправляемо как в настоящей жизни.

Обезьяна – это метафора жизни, а человек – это её гримаса.

АФОРИСТИКА

Я сижу в игре или игра сидит во мне?

На Руси грабли существуют для того, чтобы никогда не ослабевала и вечно усиливалась загадка таинственной русской души.

Если твой паровоз сошёл с рельсов – окрыляй его и лети...

Если брызнуть чернилами в пустоту – появится слово.

Умный ищет в сути соль, дурак – в соли – суть...

Подать кушано...

Клещи рождаются в клише...

И жили они коротко и несчастно – лилипутики-садокоммунисты...

На всё есть квоты, ибо идиоты погрузили мир в количественный формат.

Материальность мыслей не означает того, что все они воплотимы, но воплощенная в грубой материи мысль со временем распадется на атомы, а не воплощенная – останется вечно материальной...

Однажды Бог постриг обезьяну и назвал ее человеком, но волосы имеют свойство отрастать...

Грабли – самая неподвижная вещь на Руси....

Когда ты на коне – ты на кону.

Кто измеряет свое достоинство – тот недомерок.

В каждой нужности есть доля ненужного.

АФОРИСТИКА

Бесконечность параллельных зеркал не что иное, как мысль, мыслящая самоё себя.

Если утопишь зеркало в воде, то тогда поймешь, что вода появилась из зеркал.

Нас едят руками, потому что мы не умеем летать – говорила курица.

Человек – это звучит горько... – говорил Максим Гордый...

Убивая в себе раба, я убил человека, а раб остался.

Я тебе как динозавр динозавру говорю: мы не вымерли!

Жизнь бессмысленна, а смысл безжизненный...

Держись подальше от вещей, чтоб не увязнуть в вящем...

– Нет, друг, у тебя не получается водить пером по бумаге, води лучше бумагой по перу...

Когда тыходишь в образ, образ входит в тебя... и получается как в стихотворении Бродского, где рыба перепутала чешую и остов.

– Мы разные. Я – мясо на костях, а ты – кости в мясе.
Жратит хватить!

Как солнце не переставляй – всегда что-то остается в тени.

Худой субъективизм лучше толстой объективности.

Любому существу присуще неприсущее.

Не впрягайся туда, куда впрягается твой лирический герой, потому что ты никогда не угонишься за своим вымыслом.

Грехи Гугла выискивает Яндекс.

АФОРИСТИКА

Здравый смысл лишь крохотный фрагмент абсурда, который ещё – поди отыщи!

Жизнь сложно не усложнять, но упрощать сложнее.

Все отложенное становится ложью.

Не устраивай курице разбор полетов.

Упертому тупик необходим.

Все перемелится, но не из всего мука будет.

Пустота была создана, вечно была только полнота.

Зри в корешки – презри вершки!

Мы никогда не будем звеньями одной цепи! – сказало золотое кольцо железному.

Тем, кто на печке – не страшны подсечки.
Не делай злобу ночи злобой дня.

Дурак без каски – это фиаско...

Если камень мнит себя горой – он непереносим.

Не улучшай хорошее, ибо хорошее для хорошего, а улучшай лучшее, ибо ему нет границ.

Если совесть упала в лужу – лучше остаться без совести, чем поднимать замаранную.

Время творений прошло, а творцы то продолжают мнить себя богами творчества, не понимая, что тем самым уже давно разрушают и даже сотворенное прежде.

АФОРИСТИКА

Дарвинское общество создавалось не Дарвиным, а хихиканьем обезьяны, которое будет разноситься эхом по вселенной, неведая, что от земли оно не оставило даже пепла...

В человеческом сообществе могут жить только обезьяны и Дарвины.

Кто завсегдатый – тот никогда.

Дарвин сам отбирал, какие обезьяны станут человеком, а какие не станут. И те, кого он не отобрал – попрятались в лесах, боясь, что вдруг кто-нибудь другой отберет.

Когда два картежника играют в шахматы – они все равно играют в карты.

Человек стоит столько, сколько килограммов золота он может за ненужностью выкинуть из своего ума.

Если ты задумал идеальное убийство, но попал в дешевый детектив, значит ты витаешь в облаках и не понимаешь, что идеала на земле нет. Но не отчаивайся, внеси в убийство философскую подоплеку, как это, например, сделал Достоевский, это будет не хуже, а даже лучше любого идеала. Но, в отличие от Достоевского, ты должен взять сам в руки топор, а не впихивать его своим несчастным персонажам и руби всех подряд: ты на Земле, а не где-нибудь.

Дарвин вынуждает нас не замечать и не помнить о значительной части животного мира: ведь, чтобы быть человеком, теперь мы должны ничего не знать про обезьян!

Вознамерился что-то утверждать? Но подумай: совпадет ли это с консинстенцией бытия? Если она мягка, то к чему утверждения? А если тверда – твердее ты ее все равно не сделаешь. Так что сосредоточься на размягчении себя за ненужностью.

Куриная кость – собаке, собачья кость медведю, золотая кость – Рокфеллеру – все животные костееды.

АФОРИСТИКА

Человеку не мысли приходят, чтобы стать стихами, а стихи приходят, чтобы стать мыслями.

Человек был создан из игровой фишки, но игра приобрела неожиданный поворот – обезьяны заявили, что тоже хотят играть.

Уходящий поезд, на который все-таки успели запрыгнуть несколько обезьян, чтобы стать людьми, на самом-то деле ехал в тупик, в конце которого стоял стрелочник тупика Дарвин.

Человек – это обезьяна в художественном смысле, однако реальность на столько упрощена, что в натуре мы от обезьян отличаемся только хвостом.

Если у тебя нет голоса, то ищи рыбу на уроках пения – она научит тебя молчать.

Если ты не признанный гений – не огорчайся. Возможно за тобой давно следят инопланетяне, которые тебя признали.

Жизнь – это Кафкианско-Дарвинский парадокс. По Кафке Человек мертв, а обезьяны живы, по Дарвину обезьяны мертвы, а человек – жив.

Идеал живет и в тексте, и в тебе, но доводя текст до идеала, ты неизбежно расстанешься с ним, чтобы видеть его со стороны.

Жизнь – это конфликт человека с обезьянами, но где обезьяны, а где люди – никогда не станет известно ни тем ни другим.

Кофе с молоком убежало. Сегодня догнал кофе, завтра догоню молоко.

Люди давно вышли из нор и не живут в них, но норы вошли в нас. Они как червячные дыры связывают нас с прошлым и не дают выйти на свет.

Импровизация – вечное русло, логика – вечный тупик.

АФОРИСТИКА

Наш век закрывает маска, которая давно уже проникла в человека, став его смыслом и условием выживания.

Не ищи совесть в картах – она давно сбежала в шахматы.

Жизнь – это бесконечная борьба за материализацию бесконечного желания, и если б их не роднила бесконечность, все бы распалось и погибло из-за невозможности желаемое воплотить..

Не лови смысл жизни сочком, если ты бабочка – себя поймашь, не хватай смысл жизни клешнями, если ты краб – себя перекусишь, не грызи смысл жизни зубами, если ты волк – себя сожрешь, вдохни его, как запах цветка, который растет в твоём воображении.

Клади бабло в булку – и изюм появится.

Все лысые планеты Земля хуже одного обросшего – индейцы не стриглись вообще: волосы-антенны вплетали их в параллельные миры и они жили в слоях многих измерений.

Дарвин крутил любовные романы с обезьянками, но человек у них на практике так и не получился, зато в теории – прокатило.

Наше всё – это не Пушкин, это обезьяна.

Скульптор, не обрабатывающий камень, сам становится камнем.

Только вернувшись в состояние обезьяны человек может стать счастливым, но обезьяны не хотят обратно принимать в свои ряды людей.

Каждый камень мечтает стать планетой, не понимая, что поле для великой деятельности есть только пока он мал.

Камень, вставший на путь страданий – превращается в слезу, а потом – в бриллиант.

АФОРИСТИКА

У Дарвина был хвост, и свои идеи он вынашивал в хвосте, но когда они осуществились, хвост у него отсох и отвалился и поэтому теперь так и не понятно, откуда ж они взялись.

Жизнь – это вечно повторяющийся фальстарт. До вожаемого старта не доживает никто.

Любую цепь можно разорвать, кроме цепи непредсказуемых случайностей.

А всевышний-то создал ни персон, а персонажей, вот нам и приходится не жить, а играть в жизнь. Но играя, мы настоящую жизнь не затираем, она затирает нас.

В рай попадут недоверчивые и подозревающие хищники, ибо доверчивые овечки сразу же попадутся и окажутся в аду и это начало начал. Наша драма на Земле лишь проекция.

Истины нет, потому что нет истинных желаний, либо она есть, а наши желания все против нее.

Человек произошел от дурковатой обезьяны – умная бы осталась сама собой.

Дурак всё делает правильно, но потом не может ничего исправить, а умный косячит и исправляет косяки.

Правда – это смесь верного и невероятного.

У верблюда в большом оазисе пропадает верблюжья основа и он неизбежно становится обычным ослом.

Человека из обезьяны сделала глупость Дарвина, которая, впрочем, имела творческое начало: выбор её свободен и произволен – ведь могла бы сфокусироваться и на клопе.

Обезьяна – это минимум, человек – это недостижимый максимум, все мы где-то посередине на уровне недоумка Дарвина.

АФОРИСТИКА

Никогда не проверяй на моральную прочность Человека – он наверняка окажется обезьяной и Дарвин здесь уже не виноват.

Человек – он бедный родственник обезьяны, а царь природы-то как раз она, потому что ни от кого не происходила.

Дарвин научно форматировал обезьяну под человека, и у него не получалось, и когда он уже совсем было отчаялся, увидел, что люди уже давно сами себя подформатировали под обезьяну, но он это никому не сказал, ведь в такую теорию уже никто не уверует.

У Дарвина был особый вид дальтонизма – он не отличал людей от обезьян и лучше бы он посвятил свои научные труды именно этому своему недугу, а не тому, как в нем мир преломился.

Совпадения бывают у тех, кто подпитывает своей глупостью генератор случайных чисел.

Высокие теории строят только карлики, и напрасно, потому что высота и без них существует.

Мир – это антисистема, возникшая на системных ошибках какой-то системы, которая бесконечно давно и бесконечно глубоко втартарарылась.

МИНИАТЮРЫ

Александр Тененбаум

Миниатюры

Двоюродный дядя Никитос

Весна у нас не такая, как у вас. Весной реки, ломая полугодовалые седые льды, начинают бурлить, треск льдов раздается по всем окрестностям, рыси и медведи в страхе бегут за полярный круг, оленеводы выходят из чумов и, потягиваясь, наконец-то просыпаются.

У нас не как у вас – все кругом родственники. Даже иногда не знаешь, кто чей сын, брат, мать или дочь. Идет, бывало, девушка, красавица узкоглазая, по воду, с коромыслами да с ведрами, идет, богиня, улыбается, зрачков совсем не видно, одни смеющиеся впадинки-расщелинки, а ты стоишь, смотришь на неё, очумевший от морозу и водки, с топором, потому что колешь дровенки или режешь заблудившегося дикого порося, – и не знаешь, чьих она будя.

Но хоть мы здесь все и родственники, а враждуемся иногда так люто, что, бывает, один молодец может всю деревню до утра вырезать и унести прочь за полярный круг годовалый запас мороженой оленины! Вот так бывает, всякое случается. Но всё плохое проходит весной – это ещё старики заметили. Природа обновляется – обновляется и душа человеческая.

Тогда мы собираемся все, кто живой остался, в главном молебном чуме из особой шерсти заполярного мишки, и там месяц жжём костёр, раздеваемся донага, мажемся лососинным салом, стучим веточками можжевельника по алтарному месту, а жрец наш Колька Митин скачет вокруг и вызывает древних духов поприрадовать с нами приход весны. В такие моменты мы полностью сливаемся с природой – и даже скунс становится тебе и брат, и сват, двоюродным дядей Никитосом.

МИНИАТЮРЫ

Двадцать соток счастья

Приехали на дачу: земли двадцать соток – огороженный кусок голого поля, везде одуванчики, сорняки и ковыль, подорожники ещё, кротовые норы, мыши-полевки бегают. Райское место!

Нас было пятеро: двое взрослых родителей и трое маленьких детей разных возрастов – но уже годных для копания и сажания на даче, не младенцы, в общем. Я – один из них. Вылез из машины, стою, с ужасом понимаю, что весь день проживу зря.

– Дача! Хорошо! – вскрикнул счастливый отец. Он начал интенсивно разминаться, гнуться перед предстоящей долгожданной битвой с райским полем. Рай весь он собирается перекопать («К чертям собачим!») вместе с кротоми, полевками и малышками-одуванчиками.

– Дача – какой великолепный отдых, дети! – восклицает счастливая мать. Она сразу начинает начищать до блеска тятку и повязывать свою голову характерным платком колхозницы. Дети, то есть мы, с опаской осматриваем поле, на котором и взгляду не за что ухватиться, разве только мышь за хвост. Да, вляпались.

И убежать – не убежишь, далеко придется бежать, потом весомый аргумент – находишься ведь на иждивении родителей, следовательно – нужно отрабатывать свой хлеб, любить дачу, видеть в ней курорт, наконец – «отдых от городской суеты».

Но не всё так плохо, просто у меня неправильное мироощущение – в этом беда.

Дали в руки лопаты, я прошу поесть, на что разгневанный отец сразу, как по заливку, бьёт истинной: «Ты что, жрать сюда приехал? Копай быстро, до обеда ещё далеко!». Я чувствую себя пленным русским солдатом, которого фашисты заставляют работать. Они сами все такие смеются, кто-то играет на губной гармошке, кто-то отхлебывает вкусного шнапсу из походной фляжки, а один из них, видно образованный очкарик-фашистик говорит характерную фразу: «Эй, рюсский, работать, быстро! Работать – унд умирать!».

МИНИАТЮРЫ

Страна контрастов

Хью вышел на балкон. Во рту у него был кусок размахренной сигареты без фильтра, пальцы у Хью вечно желтого прокуренного цвета, но женщины его все равно любят, подлеца. Он ведь всегда не промах. Вечно околачивается в портах и в гавани знает всех – и все знают Хью.

Хью любит собак, у него есть любимица овчарка Матильда, она вечно за ним таскается по портам и гаваням. Поэтому сам Хью вечно излеплен свалявшимися грязной собачьей шерстью и какашками. Ну, вот он такой человек – что ж тут поделаешь! Имеет собственный стиль жизни и умудряется даже не работать, но вечно при деле, все рады подкинуть ему на стаканчик пару пенсов. И от женщин отбоя нет – от вечных портовых девок в красных юбках с грязными засаленными оборками.

Италия – страна контрастов. Там ты можешь встретить и чудные оливковые деревья прямо на улице, в полях – хранящие в спасительных плодах экстаз виноградники, сказочные карточные домики-кафэшки, где досиживают свой век почтенные старики в соломенных хрустящих шляпах, – но также и грязных генуэзских контрабандистов, продажную любовь и brutальных мужчин-неаполитанцев с примесью турецкой крови.

Человеческий палец

Человеческий палец потёр человеческую горбинку человеческого носа, а потом потянулся к уху. Ухо тоже было человеческое, в нём палец углубился насколько смог и попытался почесать как можно глубже, но удовлетворение не пришло: чесалось где-то на самом дне уха. В этот момент в офис забежал директор и закричал самым настоящим нечеловеческим голосом: «Признавайтесь, твари, кто пожаловался на меня в центральный офис?! Всех премии лишу...». И не одно человеческое сердце, а все пятнадцать сердец присутствующих менеджеров застучались от страха сильнее, чем вы себе можете даже представить. А в особенности же дрожал зад того самого тела, у которого человеческий палец только что потёр горбинку человеческого носа!

МИНИАТЮРЫ

Пахнет смолой

Утренний весенний свист перепела! Как это чудно и легко — *бредсти* одиноко вперёд по поздненоябрьскому лесу вблизи местечка У*** Псковской губернии, — идешь, а сердце радостно вьется в груди как птичка. Вот лесная тропа, она выделяется обилием следов человеческих и звериных; по левой и правой стороне и везде, где не ступают следы, всё застругано мелким бархатистым снежком.

Любой лыжник знает, как приятны *утры* в пору начала зимнего хозяйствования по лесам. Лыжник знает и до блеска начищает свою спортивную утварь, он надевает на голову специальную обтягивающую шапочку, очки, обтягивающий супергеройский костюм и ждет, когда Бог ещё больше насыплет стружек по лесам, на радостях вырезая множество небесных поделок из облачков. Смотришь, бывает, а по небу в тишине и покое плывут то ладьи с парусами, то жирафики длинноногинькие, то лашадёнка кучерявогривенькая, то ещё что-нибудь эдакое!

Лыжник ждет, ноябрь подходит к концу, я иду по лесной тропе — да всё вдаль, вдаль, — кустарник и рябина тоже молчат во вселенском ожидании, сосны поскрипывают от лёгкого заигрывания с ними ветром, белка сидит на ветке и тихонько грызёт шишку, в её глазёнках безмыслие и покорство инстинкту. Сейчас она поест, а потом поскачет дальше. Дятел ещё где-то высоко на сосне прицепился и стучит, стучит, стучит... Стук эхом улетает в небо, всё чаще и чаще сыплет снегом, пахнет смолой.

А подраться, потолкаться в ночной тишине на отчаянном морозе — это так, это просто общение, тоже беззлобная старинная традиция. Это даже удовольствие — выбить из оппонента побольше говна, чтобы и ему лучше стало, и усталому тебе.

День закончился, детям пора спать, загулявшим дядям пора пить, а их домашние тёти за это тоже будут сегодня бить, но уже по-своему, по-женски: кухонной утварью или хлесткой ладошкой по лысине.

МИНИАТЮРЫ

Сказ о том, как царевич конем стал

Жабы квакали грустно, на болоте наступал вечер. Иван-царевич шёл себе, шёл, и заблудился совсем. Сел на пенёк, окручинился малясь. Подскакала к нему жаба, смотрит на него грустными девичьими глазами.

– Что ты смотришь на меня? – говорит ей царевич, а он сильно проголодался к тому времени. Девушка-жаба промолчала и прыгнула ему на сапог. Что-то совсем противно стало Ивану. Он взял жабу за лапку, связал животное. Потом развёл костёр и поставил кипятить походную кастрюлю на огонь. Воду пришлось налить болотную.

Жабка очень опечалилась, она поняла, к чему ведёт молодец. И явно не к свадьбе. Иван-царевич решил сварить жабий суп.

Но жаба-то была волшебная естественно. Она размотала верёвки, освободила лапки и говорит царевичу человеческим, причём девучкиным голосом, правда, немного с хрипотцой:

– За то, что ты не женился на мне, не разглядел во мне женщину, я превращу тебя в коня.

Так и сделала опечаленная жаба. Вывод: никогда не спорь с женщиной, а стремись на ней жениться.

Чайка

Мы глядели на облака – облака выпушивались из-за гряды скал, и одна единственная чайка-зануда кричала голосом, срывающимся до неприятных ноток близкой истерики. Да, это была чайка не только зануда, она была настоящей конченной истеричкой. И, конечно же, самкой. В её голосе мы различили женские интонации. Мы – это начинающие музыканты-виолончелисты Густаво и Орландо. В этот предзакатный час оранжевых разливов на горизонте мы вылезли из чащобы, чтобы поглядеть вдаль и напитаться вдохновением для новых творческих свершений, но проклятая птица испортила всё: она резала гениально выполненную картину маслом своим мерзким голосом точно канцелярским ножом, и тогда более чуткий лирик Густаво надрывно зарыдал грудным голосом, а я... я не знал как ему помочь.

МИНИАТЮРЫ

Демократия в Монголии

Тучи передвигались по небу нехотя и вот врезались в скалистый хребет, который выползал хрен знает из какой лесистой впадины. Ну, что можно сказать – Монголия!

– И ты заметил это, Джошуа? – спросил бродяжка Джон своего вечного спутника, когда они, привалившись к серому камню, по очереди что-то такое пили из грязной зелёной бутылки.

– Что именно, мать твою, Джек? – рассердился Джошуа и с силой ударил дружка по роже и выдрал бутылку.

– Меня зовут: Джон. Запомни уже, старый идиот! – отмахнулся, обидевшись, Джек. Тьфу, то есть, Джон. – Ну, скажи, ты видел, как туча врезалась в холм?

– Твои видения меня пугают. – Джошуа отвернулся от приятеля по несчастью. – Тебе надо меньше пить. И обратиться к психиатру уже.

Покрапала мелкая издрись, словно поплевала на лысины старцев. При этом бороды дико торчали до самых босых стоп, куски корма всохли в шерсть навеки, старцы, объективно сказать, были похожи на братьев Моисея и Аарона.

Наступал вечер, жрать было нечего, тела адски чесались и тогда Джошуа возроптал:

– Какая же это, мать её, демократия в Монголии, ежели мы умираем с голоду в этой свободной стране?

– Ещё знаменитый драматический певец больших и малых балетов Монголии Виктор Цой пророчествовал: «Мама – анархия. Папа – стакан портвейна», – урезонил брата Джек. – Посему ежели свобода – это и есть анархия – то нахер она нам нужна! Застрелись, братко, не мучайся.

– Лучше я тебя застрелю, проклятый прохиндей! – и Джошуа, не задумываясь, снова врезал Аарону в мордальник. Тот от боли и отчаяния заплакал, из ноздри медленно набухла прозрачной плёнкой в виде шарика сопля. Свет заката, словно розовой невидимой кисточкой, прошёлся по ней. Есть всё-таки что-то красивое в природе! Есть.

МИНИАТЮРЫ

Благонамеренные слова

Писать с живостью и рвением – это ничего не делать, считайте. А вот писать – чтоб так до боли, до красноты выпученности глаз, до жжения под ложечкой!.. Вот это жизнь, вот это страсть! И где находится эта мифическая ложечка, и почему не вилочка? Возможно, речь идет о проявлении души, которая иногда вываливается из желудка в желчный пузырь.

Писать так, чтоб самому стало тошно, и спина не смогла выпрямиться, когда встаешь из-за стола по нужде. Опять же – по нужде. Что за хитренький оборот речи такой? Кто его придумал? Кто автор? Где он живет? Подайте его мне! Если мы говорим «по нужде», то все, конечно же, понимаем: человек вышел помочиться, а то и ещё чего похуже.

Опять же – «помочиться». Почему в этом слове скрыто столько мокрого, но такого, чего нельзя пить. Ведь нельзя же сказать, что «дождик помочился на город», или «береза помочилась на саму себя», но при этом березовый сок пьют все, кому не лень (мне лень, кстати). Его даже в магазинах в трехлитровых банках продают. И там якобы он и есть, сок, но я сильно сомневаюсь. Туда помочиться мог кто угодно, а на этикетке написать благонамеренные слова.

Качки и очкарики: кто прав?

Они качают пресс, икры, лодыжные мышцы, голеностоп, но самое главное – они качают грудь. Грудь для мужика ведь самое главное! Ляжет он на спортивную скамью, хорошенько примерится, схватит норовисто железные кругляки на палке и поднимет над лицом как можно выше, а друг обязательно будет подстраховывать его, стоя рядом.

Обычно так это происходит: качок, который хочет прокачать «грудину», таким привычно наглым голосом господа бога этого тренажерного зала окликивает первого попавшегося прихожанина с гантелей: «Эй, друг, подстрахуй!» И они не обязательно становятся друзьями после этого по жизни, но «земелями» – точно.

МИНИАТЮРЫ

Грудь для мужика – первостепенное дело. Он любит поигрывать ею в воздухе, вид при этом у него напряженный, лицо краснеет, кожа на лице натянута до предела. Качок очень старается, он чувствует тайное удовольствие, что он самец-террорист. Девки ведь, полагает он, только этого и ждут – такого коня с прокаченной грудью и ягодичными мышцами.

Эх, а ведь всё бывает по-разному!.. Бывает, что и интеллигентные очкарики ценятся намного выше, а их женщины режут в рёв как на концертах «Битлз», снимают простые оренбургские платки и кидают их в космос.

Духи с Альпийских лугов

Весна закончилась, в конце мая лето начало становиться летом: дни стали тёплыми, вечера – роскошными, деревья – раскидистыми, и женщины, почувствовав это благодатное мгновение жизни, сразу решили раздеться – все и разом. Но, конечно, они не до конца разделись, они разделись до нужных «пределов»... Ах, местные вонючие бомжи, как только видели этих женщин, проходящих мимо, сразу, словно умные собаки, профессионально нюхали воздух после их прохождения, чтобы почувствовать божественный шлейф нечеловечески вкусных духов с полей не то Англии, не то Альпийских лугов. Чистые полураздетые женщины пахли духами, к тому же они чуть ли не каждый день брили подмышки и промежность и по вечерам ещё ходили на фитнес. Ходить на фитнес в наше время – очень модная забава молодых прелестниц и недавно родивших мамаш, которые хотят от своих фигур совершенства. А бомж? Что бомж? Он человек простой. Вылез из куста, поглядел на проходящую красоту, послушал песню, доносящуюся из соседнего окна, – песню Серова «Мадонна», вздохнул, выдернул из носа кусочек грязи и снова полез в свой куст, чтобы там «догнаться» – допить из банки тормозную жидкость и уснуть, возможно, навечно.

МИНИАТЮРЫ

Эсеры

Вечерело. В доме пахло сырыми щами и плесенью. В сенях бегали мыши, некоторые из них скребли подпол, там, по слухам, было много моркови и репы.

Жара обычно сходила на нет часам к десяти вечера. Воздух тревожно трепетал остатками солнечной оранжевой жижи, жижа испачкала горизонт, по хуторам пошла перекличка собак, на кухне дед Онфимий допил заварку, но спать пока не хотел.

В сени зашла соседка баба Вера.

– Эй, старый, ты где? Живой? – И она уже была в кухне с ведрами. – Я тебе молочка жирненького принесла. Хошь отве-
дать?

Дед Онфимий несколько секунд, как сидел, так и не пошевелился даже. Казалось, что он дремал с открытыми глазами, так как даже не моргал. Потом он засипел, закашлялся и полез за махрой за пазуху.

– Чего ты ходишь ко мне, Верка? Каждый день тебя вижу...
– Дед закурил и отвернулся к окну.

– Эх ты, чем вздумал попрекать, Онфимушка! – Баба всплеснула руками и заморгала глазами. – Я, может, переживаю вся, как ты тут один-одинешенек...

– А вот не переживай! – огрызнулся дед, как пёс гавкнул. –
Вся.

– Я-то после смерти Любашеньки стараюсь за тобой приглядывать, ведь она мне наказывала, я ей обещала, а ты такой неблагодарный, сидишь весь день, куришь...

– И курю!

– Сидит, говорю, курит, огрызается... Старьё!

– Сама ты... такая!

– Тьфу! Больше не приду! Обидел, ах как обидел... Люди добрые...

Баба Вера утопала, стуча пятками и ведрами.

Дед обжёг пальцы, докурив самокрутку до «мяса», тяжело вздохнул:

– Эх, жиссь...

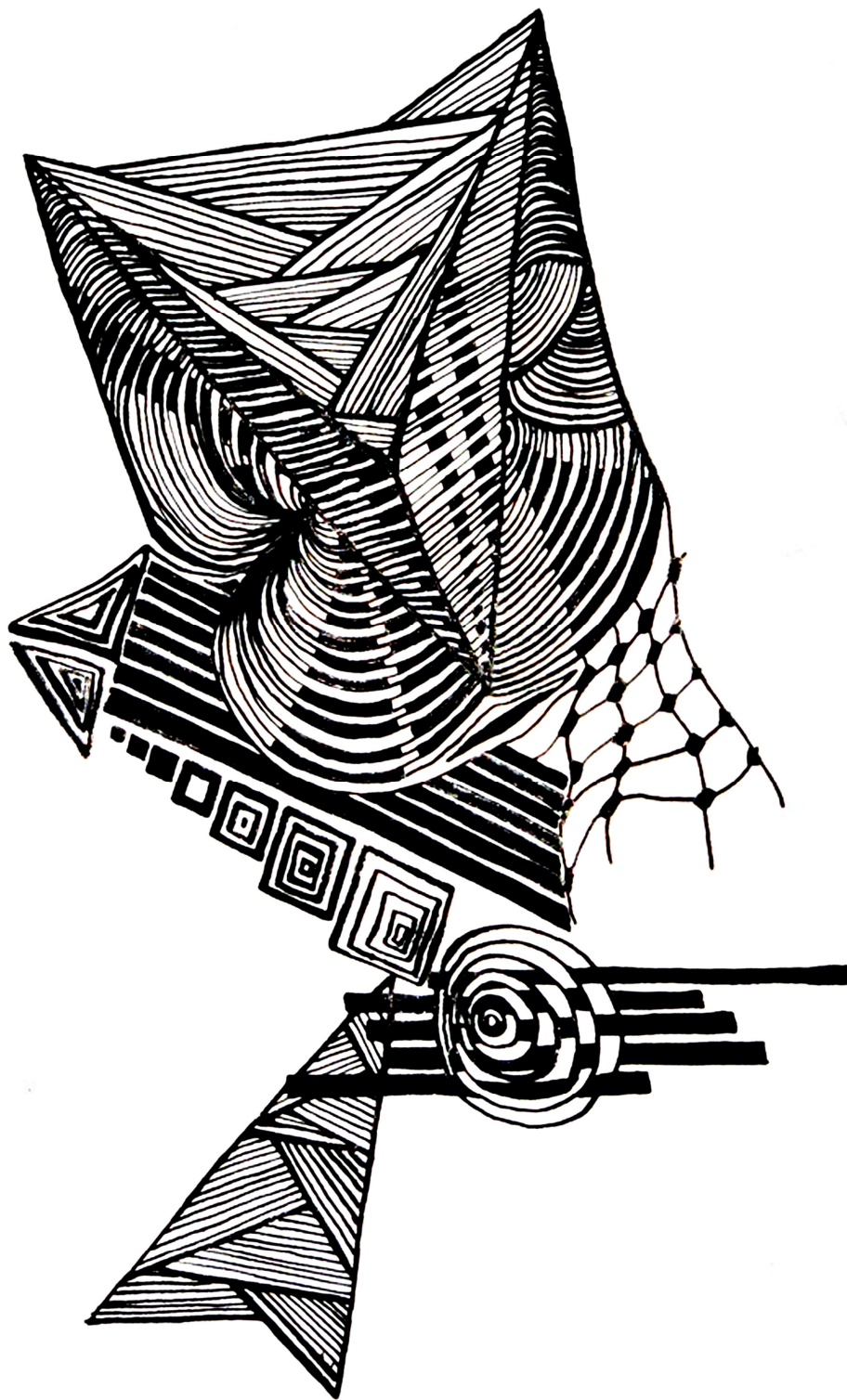
Потом встал с табурета, прошёлся по кухне, дошаркал до окна, остановился перед ним, хмуро воззрился в сад. В саду росли старые дореволюционные вишни. Дед Онфимий с волнительной

МИНИАТЮРЫ

тоской вдруг вспомнил, как он когда-то резал за теми холмами кадетов-эсеров, юные кадеты от невыносимой боли страшно верещали, и из их глаз вырывалось отчаяние прямо на него, тоже молодого тогда лейтенанта Онфимия Патапова. Красивый он, с усами, был казак. Хорошо, бывало, рубивал в капусту колчаковцев по лесам и весям!

«Эх, время было! – с отдышкой подумал дед Онфимий. – Как весело было, кураж стоял по области. А вот теперь сижу здесь на даче, кочерыжка древняя, делать нечего. Бабка эта ещё заколебала, ходит и ходит».

– Дурья башка! – в озлоблении крикнул дедушка в сад. Там сразу пошло оживление: шмели перестали опылять ирисы, галки сиганули по вишнёвым ветвям прочь в дубраву, а некоторые белки даже срывались вниз, пугая ежей и ужей в густо распустившемся ивняке.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Кирилл Миронов

2084

послушай
только тихо послушай
никому не рассказывай
и у меня есть такие стихи,
которые о добре
и которые о любви
но кому же они нужны
посмотри –
тут немного людей
убивает чуть больше,
и немного – копает
но больше рыщет
и свищет сирена
богатые пышут
а у меня есть стихи,
которые дышат
но кому же они нужны
когда все в VR и 3D
когда все печатают
и никто не пишет
когда мимо бежит электрод
шумит целый город
мелькает светлое
темное
и приходит в голову код
и немедленное восстановление
послушай
информация для тебя важная
и нетленная:
сегодня отмечаем
день всеобщего
повиновения
отбивай райхен
наполняй бак
мы идем уничтожить
еще один дом
еще одну книгу
еще один рай

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Маркет плейс

иногда я думаю
(я часто начинаю стихотворение со слова “иногда”) –
как справиться со всем этим говном?
было бы хорошо, если бы у меня был дом,
у моей матери – пенсия,
у друзей – работа,
и им не приходилось бы, как и мне,
изучать функции чат-бота
big data, парсеры данных, чужие вкусы
я сижу и смотрю,
какие ты, сученька,
любишь бусы
маленькая темнокожая /
светлокожая /
славяно-угорская /
дикость,
испуганная ю-тубом
зарабатывающая 15, 20
может быть четвертак
я могу это знать
я могу купить это знание
я могу тебя заключить в объятья
я уже смотрю, что ты любишь смотреть на звезды
читать Хаксли
эту книгу читала ты в туалете,
мечтая увидеть дивный и новый
но как вышла – увидела мир.
зная предел твоей хрупкой свободы,
я предложу тебе новую дичь
она будет с яблоками,
будет убита и подана.
и без подозрений ты будешь продана.
немного поиздеваясь над твоей тушкой,
я перейду на мужчин –
сегодня нечестно обесценивать возможности одних,
отдавая предпочтения гендеру. то есть – немногим,
как говорилось в начале,
а – как говорится в конце – воин в поле один.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

самолет улетел как убийца каникул
на черном море

мы сидим на причале имени
прирожденной боли

у меня не то сахар в крови,
не то в костях соли

у тебя что-то вроде вируса
и заевшей кнопки в консоли

две недели летят как танк
в закольцованном сухостое

ты опять вздрогнула каждой клеткой
на постели, кажущейся неудобной

я очнулся после полуночи,
так и не встретив зОри

мы с тобой настолько согласны
насколько вздорны

из окна городов провожая
прямых самолетов корни

Начало пути Мудилина, который сделал неверный шаг.

1. Мудилин вышел из дому и замер.
2. Под ним разверзлось нечто.
3. Мудилин упал в это нечто и умер.
4. Похороны Мудилина были скучными.

Конец пути Мудилина, который сделал неверный шаг

1. мудилин лежит в гробу.
2. под мудилиным ничего.
3. мудилин никуда не падает и не высится.
4. смерть мудилина не имеет значения.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

мой милый и дорогой жак фреско
осознай, что я снова переезжаю
я правда не знаю, куда
но ты говорил: что туда, что сюда —
один смысл, одна дорога и немного дверей
у меня странное чувство насчет моих неродившихся сыновей
как будто я чем-то обязан кому-то
это также не просто, как уличить пельмени в готовности
в этой самой кастрюле
когда выудил все
и остается один или два
начинается сложность
если у тебя всего лишь половник
будто бы день труда
все эти чемоданы не имеют нужного барахла
фантастическая, немыслимая чепуха
все туда, все сюда
все отсюда и в никуда
жак! какая глупая чехарда
и господь, естественно, не поможет
он не знает, каково умирать, пока жив
не знает, что такое пожитки
о, да — он застрял в веке камня капюшонных евреев
отдающих сестер и жен
ему нравится эта идея: водить сорок лет
неплохой стаж для шофера пустыни
но ведь у меня все эти бессмысленные
простыни, наволочки, макарон пачка,
пара штанов, шесть рубашек,
трудовая книжка
жак, я устал. что там дальше?
распашонка из мира букашек

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Ольга Кириатти

*«Весь наш дом в поэзию укутан.
Льются рифмы
Льется сердце рекой»*

Январь

Слепит солнце
Мороз на моих ресницах
Сводит в одну искру иней и небо.

Февраль

В воздухе брожение, в воздухе движение:
Несогретая голодная Земля
Разомкнула свои веки.

Март

Нежный пух мимозы
Словно робкий цыпленок
Любуется собою в ручье.

Апрель

Танец влюбленных дятлов на стволе дерева:
Трепет-и замирание, трепет, и замирание.
Неслышная музыка Любви.

Май

В прохладе дождливой ночи
Мягко вальсируют яблони-
Белый Вальс над городом.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Июнь

Веселым звонким криком
Стрижи расчерчивают небо:
«Веселись! Танцуй ! Лето пришло!»

Июль

Горячий воздух – как горячий мед
День плавится и плавит все вокруг
И я ныряю в хрустящий океан Арбуза.

Август

Бог взмахивает волшебной палочкой
И падают звезды, падают яблоки:
Бог отмечает Август.

Сентябрь

Тихо, на цыпочках, теплой лесной тропой
Уходит лето, –
Лес улыбается и засыпает.

Октябрь

Обнажается сад и мерзнет:
Ветер срывает золото листьев,
Ледяной зарницей плачет Октябрь.

Ноябрь

Стынет дорога в лунном свете
Черны стволы-черна земля
Скоро зима.

Декабрь

Белка ищет спрятанные под снегом орешки
Прозрачной остротой
Свежесть сияет от ее лапок.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Дмитрий Ларионов

Вглубь глазниц

* * *

Олегу Демидову

Я так любил те посиделки.
Залезешь в Химки: шпроты, ром,
и вот – уже родился мелкий
Олегович. С набитым ртом
в минуты счастья и восторга
я поднимаю стопку – вам!

Хочу сказать: «*Давай, Серега!*»
Сам говорю: «*УРА, братан!*»
А Катя! Катя, Катерина
поставит воду, завтрак, снедь.
И в этой жизни – жизни длинной
не стоит говорить за смерть.

* * *

Стихи по осени читают,
а пишут, верно, в феврале;
планшет, состряпанный в Китае,
поймал кузминскую «*Форель*».

Смотрю в очередное небо.
Вновь лаком стал ручей до льда.
Нажму на клавишу «отмена» –
и не уеду никуда.

Пусть веер северный и пальцы
не смажут зрение слезой:
мы пешеходы, постояльцы,
уходим в сумрак золотой.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Земляничные поляны Ленинграда
воскресают в памяти отца –
группа «Мифы», «Зоопарк», Давид Тухманов,
Первомай и свежая фарца.

Ну вот. Играет песенка сначала
/трамвай «ЛМ» перебирает провода/:
– *Опять исчезли в облаке тумана*
все голубые города.

* * *

С Разъезжей свернул на Марата,
но Uber я брать не хочу,
ведь есть по три сотни на брата,
и музыка есть – и лечу

на мифологический Невский.
В айфоне обратный билет.
К чему уезжать? Было б не с кем
идти за черту на просвет –

то дело другое. В лиловый
здесь воздух окрашен. Узор
моей памяти – только слово;
продолжается разговор –

и мы продолжаемся. Значит
и сеть перспективы верна:
филолог, дурак, неудачник –
вразвалочку. Сквозь времена.

Достигнут небес постранично,
их впишут в локальный реестр.
Те трое, минуя Аничков,
уходят. Играет оркестр.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Когда кружение остановится,
а дождь исчезнет навсегда:
прошепчешь русскую пословицу.
Иные встанут города

перед тобой. И будет линия
тянуться в солнечном столбце.
Ни на Дворцовой, ни на Минина,
ни в сводках премии «Лицей» –

такое больше не отыщется.
Ну а пока – закроем дверь
и вновь перечитаем Лившица.
<...> лежат окурки на траве,

идет прохожий по периметру,
не замечая – выше – нас.
Ты обернулась зримой римлянкой,
мне счастье – я живу сейчас.

Но даже в этом есть свой минимум.
Сложи сама себя в столбце.
Ни на Дворцовой, ни на Минина,
а лучше где-нибудь в конце.

* * *

Вот человек строкой цепляется за корку жизни, юность, двор.
Покуда титры не кончаются, он режет красный помидор.
И так вкусна его яичница! Но выйдешь в солнечный квартал,
где в хлебном Клавдия Ильинична, а человек уже пропал.
Ни седина, ни данность возраста, сплошной монтаж. Одна деталь:
вот он лежит на дне автобуса, и тот его увозит вдаль.
Верха деревьев пересвечены. Воздушных линий перебор
опять молчит. По праву вечности не происходит ничего.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

От Покровской до Монмартра,
где живут твои друзья
/пару снимков – и обратно/,
не добраться мне. Нельзя.

Слегонца прокрутим Бреля.
Клик – представлю сам себе –
слепок раннего апреля:
прочерк, звездочка, пробел.

Вновь таксистка Женестьева
отвезет на Одеон.
Там был Паунд. И с припева
загрустит аккордеон.

Есть мгновение простое,
неприметное. Прочти.
В ресторане сядут двое,
что невидимы почти.

Огоньки горят как флоксы,
просит трубку господин.
Он, наверное, с Покровской –
и, должно быть, не один.

Покутят, пройдут сквозь двери,
разойдутся по домам.
Вглубь глазниц вырастает время.
Опускается зима.

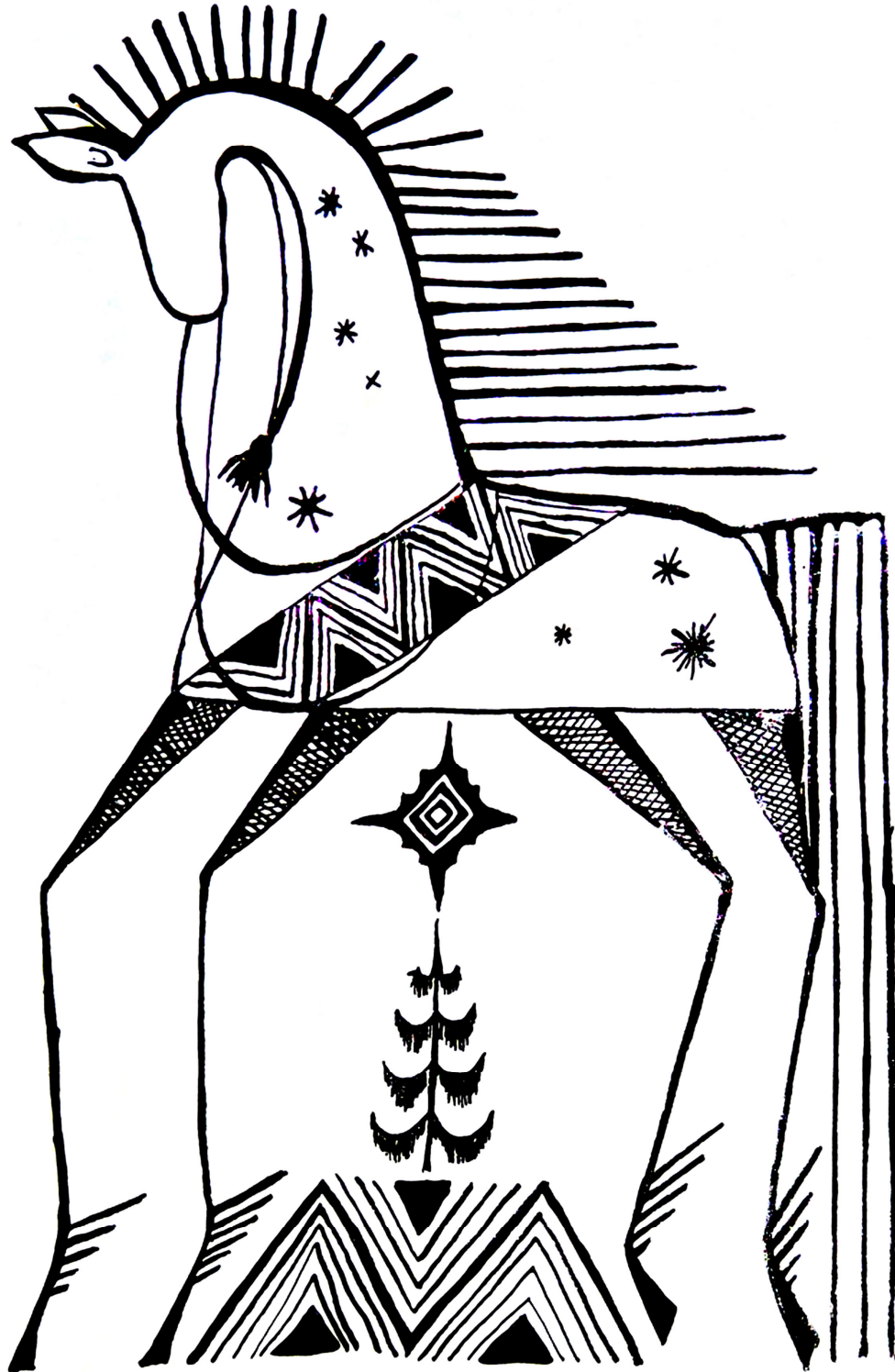
ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

29.VIII.18

Он заводил свой рижский «Айдес»,
сам на «квадраты» вел друзей.
Им говорил: «*Опохмеляйтесь!*»
И был для них как Моисей.
Из крепких рук картофель падал,
когда в квартире шли звонки.
Но каждый знал – он где-то рядом;
он раньше был. И есть-таки.

От скороходовских ботинок
коробка желтая была,
коробка полная пластинок.
Слепая преданность битлам
несла его, безумца Ржевки,
в свободных дней круговорот,
где музыканты, их коллеги,
играли «Girl» и «Поворот».

Теперь ни адреса, ни строчки.
Для нас любая скрыта весть.
<нрзб> лишь ряд отточий –
и тишина нездешних мест
перетекает в данность света,
сухой ледок, живой металл.
«*Карету времени! Карету!*», —
он повторил. И вдруг отстал.

ОКРЕСТНОСТИ

Мария Тарадова

Записки из прошлого

Над стужей месяц белый квохчет. Молчи колпак! Свети смиренно в дымном перепеве! Ночь – опрокинутый зрачок... кругла и отражает свой передник низовой. С приبلудным эхом от чужих мечтаний. То вроде бы позвали голосом знакомым... А глядь проулки бражно ноют от досады. Над ними Бахус или вражеский десантник с попсой корявой вместо языка. В кирпичных арках вроде ямы роют... Пахнет в комнате стихофилией... пред недочитанным письмом ну точно сводка тьмы пришедшей. Зияет призрак или просто дыры ожидания. Заткни же снег шипящим патефоном. Он слишком виден за окном. Как шлейф невесты в пальцах старого фрейдиста. Тот пустотой обвился но жена его в окне подобно божеству... сомнамбулично грезит на оконным перепадком. С замерзших улиц комендантский час нагрянул. А дети тут же к голубым экранам. На завтра пост и математика в кишках застряла. Один лишь месяц в темноте пред кем-то желтенько дрожит. Его сосед по уши в дыме... будто в злате. Шайтан-звезда беспутник с истекшим сроком искушать. Он на дуде играть мастак и небо слышит даже мимолетом. В упругой роговине лодки зовет из утленьких домов молитвы. Они в гипнозе первородном с шуршащей ночи колосятся разом... Идут за дудкою по небу. Им сладко покидать чадающий град. Шайтан-звезда хихикает тихонько... Но провода сей гул несут к домам. Да поздно... люди не узнают. Лодчонка прочь прочь с молящимся уловом и месяц долго квохчет в дыме. Молчи колпак! Тебя никто не слышит...

Этот мир темноты боится. Она его кусает за хвост, и он оседает пылью в кожаной маске... Некогда молодой актрисы, что в дождливом перепеве сумерек любит жечь спички. Язвить темноту в упор мелкими щипками. Хотя это всего лишь бренность пятого десятка, когда она резко умерла для театральной любви и ненависти коллег. И теперь живет, воспоминаниями каждую неделю создавая ритуал из вех патефонного прошлого. То слушая Брамса на виниле, то вдруг залпом осушая все любовные истории

ОКРЕСТНОСТИ

из чахлого альбома, где «прежние» оставили тысячу слов... Милая... Желанная... Дорогая. Но вглядываясь во тьму, она вдруг понимает, что все эти слова уже не принадлежат ей. И тогда будто бы от бессилия она наглухо стопорит себя футлярным запахом пальто. Стройный вечер, порыжевший, от фонарных искр врезается в память перспективами улиц. В криолинах раннего вандализма плывущего по стенам ей видится чье-то уродливое лицо. Лишь бы не узнать себя среди прочих скитальцев и не пораниться осколками прошлого. Чернь ее любит, бережет от чужих глаз, как редкую марку, спящую в коробке с фантиками...И...и поминая вместе с полноликой луной смутный вечер, она все еще любит терзать застывший парад витрин. Вечернее служение магазинному богу выводит людей на тропу охоты или инерции. Она лишь наблюдает отстраненно...За седыми ссорящимися...перекатными и вздошными. Кажется, под старость к ней пришел совсем другой театр. В светлых глазницах которого она с трепетом вдруг узнает что-то знакомое. Неожиданно мягкое, спрятанное за витриной. Вроде бы вещь мелкая по своему состоянию, однако свет от витринного абриса расцветает в сердечной лохани нежданным летом. Разом сгорают прожитые страницы и, словно шутивая ниточка из другого времени, к ней возвращается молодость. Звонкая, разящая, будто летний день, уставший от смеха...покоя под липами...жары и молебна. Воспринимая увиденное как перевертыш из собственного угла, она мчится к квартирной затхлости. К царству отжившего убежища. Слово в лихорадочной купели выискивая среди старых барсеток, пепельниц алую коробку. Будто кровавое пятно, разламывающее черный зрачок комнаты. Мерцанием под согнутыми ногами стелется театральная «кожа»... остатки костюмерной. Она уже не помнит, каким гордым призраком... женского идеала являлась пред публикой. Но еще цепляется за бархат вновь обретенной находки. Ничего особенного... Детские ботиночки. Кажется, только на палец их можно одеть. Из атласной ткани с именной вышивкой. Хоть сейчас дари на крестины счастливой мамочке. Ей страшно сомкнуть руки, вдруг наваждение рухнет. Маленькое сокровище поглотит тьма, а вместе с ним умрет что-то легкое, как всплеск заката в тучном обшлагае. До утра она сбивчиво припоминает молитвы. Трепетно сжимает в руках детские ботиночки. Наверное, пытается защитить истлевшее прошлое.

ОКРЕСТНОСТИ

Мертвые сосны ранней весной кутаются в голубой покров. Солнце перед вечерней молитвой зорко ищет мой силуэт среди талых снегов. А я все не верю, что весна настала, и смотрю, как уходишь ты. Прочь из этих мест, даже вздоха не оставив в сизом оперении марта. Все еще гадаю, я ли подарила облик людской bravому волку. Или ты от рождения ныряешь из яви в явь. В канун последних холодов мне все еще мерещится наш не выросший лес. Я все чаще хожу к окраинам, где среди березок намечен путь для соснового детства, и духи юные спят в земле, ожидая рождения. Как теперь скажу этим тихим странникам, что им все так же почивать в земле зерном и надеждою скорлупной... И небо в сем отрезке лесного царства будет все так же свободно от игольной щекотки гордых шапок древесных... Ведьма теперь легка, как птица перелетная, провожаю тебя тенью взмахов над глухим бором... Мне-то сил отмерено было на двоих, а теперь, как умершее дерево, внутри пустая... И не горько, не сладко пьется шиповник в кипятке... Как вспомню взгляд твой долгий и слова в прядях запутались... "Не твой зверь, моя бесценная. Волю я свою тебе не дарил". Верно ли усмехнется слепящее солнце, застилая твой путь молочным ударом.

Апрелю разве много надо? Всего лишь горсть монет, что уснули в земле, да у костровых пристанищ наслушаться детских рассказов. Грядущее лето с ятаганом в руках, резвость детскую меняет на штыковую подмогу. И над домом гроза, словно эхо с востока. Брата старшего плащ снова кровью пропах, а его самого как огня я боюсь. И спокойно лишь в вязкой, закланной тиши. Чтобы только осколки ребячьего смеха стучались в окно. По ночам я не сплю, жду когда позовут... в лазарет ли, аптеку или лекарьню. И от мысли такой я как будто больна, я привязана к ней алой лентой. А над домом снова гроза, плащ залатанный вновь одевает солдат... Только порохом пахнет бродяга-апрель.

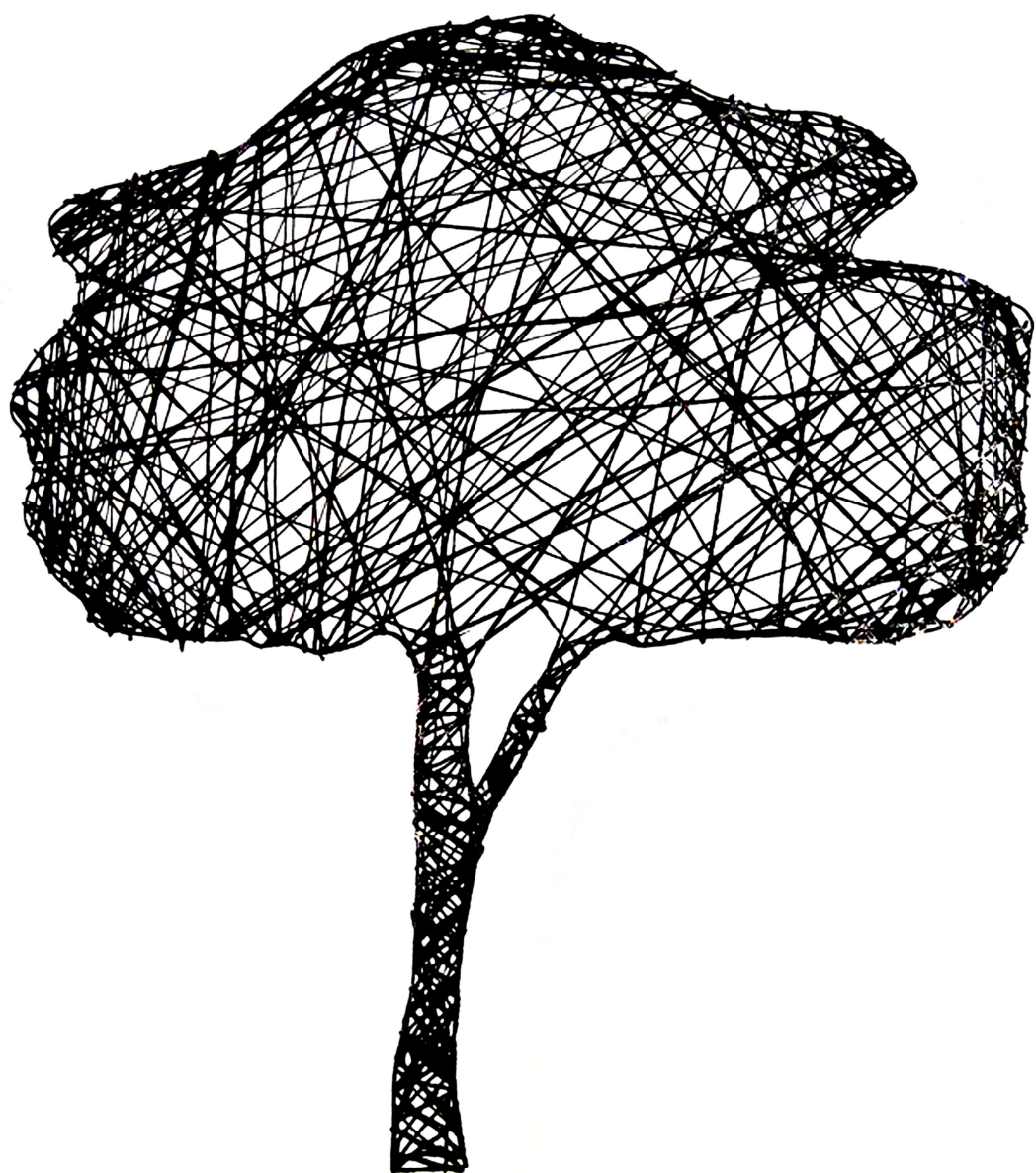
ОКРЕСТНОСТИ

Закат догорел.

В тающем дне вороны на проводах, как плоды зреющей осени. Холодно одинокой флейте петь в почерневшем саду. Но душа уходящего лета, доблестный соловей давно сложил свои ноты в каменный сундук. И деревья боятся редеть под гнетом тишины. Может, их храбрость собой покрывает землю. А мы думаем, что это листья, кутая уставшую флейту в шелк.

Сегодня на улице дети кричали громко... А старый дом пытался вторить онемевшим взором. Как будто нет в его пролетах и десницах ни грамма ветхости и боли. А тени даже присмирели, боялись «тыкать» своему ментору, лишь завязались в узелок, под лестницей ища покоя. Закат изжарил сгнивший пол, под досками муштруя мебельный покой. Где в креслах кто-то почивал... Под пледом щурясь на отсветки солнца. И Дом хмелеющий в проборе лета... возможно помнит имена и даты. Отсчет в нелепых прорезях творения, меж «петушками» чьи-то надписи смешные. И К+Л... и стертые следы подошвы заросшие под медным буклом черепки... Чего-то важного пустые обещания... Куда за изгородь никто по воле не зайдет... Теперь им – призракам бывшего – нас не достать из брешей маховых.

Над крышей в гнездах вперемишку с перьями и пухом резвился первый сумрак. Трава за томными границами скрывала брошенную куклу. Над горизонтом обрывался змей, а Дом притихший лишь ему молился. Но детский бог промчался мимо на звонком самокате... Ну точно мантрой укрываясь слогом: «Я знаю! Траля-ля!».

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Константин Емельянов

Ночные страдания (Ангел)

Ах, эти запахи и звуки...
Вот прошёл вчерашний день,
Крики птиц, гудки и стуки
Не исчезли, словно духи,
Не растаяли, как тень.

Сквозь ночную расслабуху
Проникает тихий свет.
Кот поймал в засаде муху,
Но, ещё не павши духом,
Муха злобится в ответ.

Хоть и крутится, бедняга,
Обреченно по стеклу.
У порога как бродяга,
Полусонная дворняга
Тихо млеет на полу.

Ей, дворняге, все не спится:
Вспоминается пирог,
Он и днём и ночью снится —
Мимо пасти мчится, мчится
За куском другой кусок!

И от запаха дуря
Начинает та скулить.
Я с досады сатанею:
Вот опять визит к Морфею
Мне придётся отложить!

Мне мешают звук и запах,
Муха борется с котом,
Тот привстав на задних лапах
Как мужик, жену облапив,
Машет весело хвостом,

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Эти запахи и шумы,
Всё пустая суета.
Размышляю я угрюмо:
“Жаль что в доме нету трюма,
Чтобы выбросить кота!”

В голове сверлит мыслишка,
Что покоя нет от дел!
Но вдруг мягко и неслышно,
Словно посланный Всевышним,
На плечо мне Ангел сел.

Он провёл рукою нежно
По щеке – и я уснул,
Будто в облаке безбрежном
Бесконечном, безмятежном
С головою утонул.

Эта тихая отрава,
Эта сумрачная мгла.
Звуки слева, звуки справа,
А над домом как забава
Прошумели два крыла...

Август

Ненавижу солнечные лучи!
Август как медленный поезд встал.
И чем он солнечней, тем горячей,
А я уже безнадежно устал.
Рубашек за день сменишь пяток,
На доньшке воля, в мыслях – развал.
И воздух, как крутой кипяток.
Август, чёрт бы его побрал...
По мне, так лучше дожди с утра,
Дышится радостно, как в раю!
Скорей бы пропала эта жара,
Уж очень от лета я устаю...

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Сновиденье

Чудище безвредное,
Чудище нестрашное
После долгих-долгих лет
Вдруг приснилось мне.
Серое, панельное,
Четырёхэтажное.
С занавеской тюлевой
На большом окне.

Там, за хлипкой форточкой,
Сад стоит заброшенный.
Кошки бездомные
На окно глядят.
Во дворе на корточках —
Пацаны с наркошами,
И слышны до полночи —
Крики или мат.

А за стенкой ветхою,
На площадке лестничной
То ли песня слышится,
То ли пьяный хор.
Там сосед с соседкою
От простуды лечатся:
Припасли для праздничка
Водку и топор.

По утрам на лестницу
Выхожу с опаскою:
Утащили лампочку
Ночью алкаши.
Дни бегут безвестные,
Жизнь течёт напрасная,
И по кругу носимся,
Словно мураши...

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Жизнь копейкой медною
Разменяла счастье нам.
Затерялся в памяти
Прошлогодний снег.
Чудище безвредное
И совсем не страшное,
Ты зачем зовёшь меня
После стольких лет?

Сентябрь

Ужасное, долгое лето...
Кошмарно короткая осень
Бежит, спотыкается где-то.
Темнеет без четверти восемь.

Зеленые, длинные ветки
От долгого лета устали.
Паук свои хитрые сетки
В дверные проемы расставил.

Опутанный липкой дремотой
Жары, духоты, несвободы,
В окно я гляжу без охоты
И жажду хорошей погоды.

А ночью гроза пронесётся
Раскатами страшного грома,
И воздух слегка встрепенется,
И снова уляжется в дрему.

Уж скоро двадцатые числа,
А дышится мне еле-еле.
И жар с духотою зависли,
Как эти пустые недели.

Сентябрь, фальшивый изгнанник,
Плетёт свои лживые сказки.
Коварного лета посланник,
Одетый в осенние краски...

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Подражание Есенину

Как мне надоело грёбанное лето!
Как мне надоели сраные луга!
Закурю я, что ли, милка, сигарету,
Выну незаметно нож из сапога.
Я почти Есенин, погулять я вышел.
Вьётся чуб кудрявый, и блестит сапог.
Зацепился месяц за соседску крышу,
Распластались звёзды в лужице у ног.
Я в свои семнадцать не нашёл занятия,
И друзья – наркоши, все как на подбор.
Я готов поверить, что все люди – братья,
Как нашему плетню – троюродный забор.

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Эмилия Песочина

The End.

РЭП ПЕРА

заглянуть за край неба
и увидеть себя
с неисправным крылом
и свой крест потерявшим
и твой колокол больше
по тебе не звонит
а из зеркала тучи
чужое лицо
тебе смотрит в глаза
ищет дно у зрачка
мысли птицы летят
мимо синего дня
ты плывёшь над росой
перебитого детства
и зелёным туманом
холодных потерь
ангел чинит с трудом
переломы и вывихи перьев
а чернильная ночь
заливает твой крик
на странице, которую
вырвали с мясом
и нежным крылом
но потерянный крест
над тобой для тебя
это крылья твои
это ровный хребет
не сгибайся неси
лети

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Цена

Дождь с утра зарядил, и вороны кричат по-осеннему,
И не хочется день с неумытой хандры начинать.
В липах первые жёлтые листья маячат, как ценники...
Сколько стоила жизнь моя летняя?..
Если бы знать...

И во что обошлась тишина по ночам у компьютера,
Где слова не давались, упорно ломая строку?..
Мельтешили во фразах весёлые бабочки-лютики,
И банальные рифмы просили чуть-чуть огоньку.

А огня-то и не было... Не загорался – и всё тебе!
И напрасной была суета-маета в темноте...
Хоть колдуй-заклинай, хоть купюрой растапливай сотенной...
Только искорки тлели да памяти пепел летел...

Вот и лето прошло – это классик заметил! – а толку-то?..
Жизнь кладёт на лопатки... Ну, что, неваляшка? Встаёшь?..
Твой компьютер завис, и сама – паутинкою тонкою
За беду зацепилась и напополам себя рвёшь...

Но росинку берёшь на ладонь и за лучик хватаешься,
Чтобы света хрусталинку хрупкую в душу внести.
Даже страшно дышать... Только ты от неё загораешься –
И рождается стих... Посмотрите... Рождается стих!

Я за всё расплачусь. Всё верну, что займы мне доверено.
Все ожоги стерплю, коль дано в два крыла полыхать
На заре, на ветру – если это цена за мгновение,
Где из пепла взлетает горячая птица стиха...

Дождь прошёл... Всё продрогло... На улицу носу не
высунешь...
На деревьях ворчливо горланит воронье старьё.
Август умер сегодня, и жгут его листья на выселках.
Густо падают искры на стихотворенье моё...

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Тут снимают кино

Тут снимают кино: о птенцах, о собаке соседской –
И моторчик сорокой задорно стрекочет с утра...
Но пошёл объектив кочевать по забытым сусекам,
Переплыв из сегодня в такое живое вчера...

Крупный план: молча жизнь бьётся лбом о стекло безнадёги,
Проверяя на прочность прозрачную нашу броню.
Псы-года исчезают, как в розовой пасти хот-доги,
А топорик реальности рубит мечты на корню.

Эпизод: берег моря, ракушки на ржавой жаровне.
На огне беззащитно распахнуто створок нутро.
Малый мягкий мирок раскалённой железке не ровня,
И чернеет, обуглившись, плоти добытой ядро.

Дубль три: удаление города – места рожденья.
Самолётный разбег уменьшает его до нуля.
Операция длится четыре тягучих мгновенья.
Йодом выжжен покров на души обнажённых полях.

Переснять эти слёзы! Так много пролито? Не верю!
Наезжай на улыбку, морщины смущенного рта!
Повторите опять: ноги вверх, перевёрнутый велик,
А вокруг ни души...
Да... Нигде никого... Пустота...

Молодцы! Хорошо! Зарядите катушку по новой!
Грим старенья смените на юную кожу лица!
Эй, актёры, не спите! Работайте, пани-панове!
Этот фильм мы сегодня обязаны снять до конца.

Что с массовой? Где танки? Где краски багровой цистерна?
Кто из драного шланга дождями смывает следы?
Напортачили, блин! Все неверно и недостоверно!
Всё сначала! Да, братцы, напрасны все ваши труды!

Тут снимают кино: из гнезда вдруг птенец выпадает,
И собака над ним застывает в последний момент...
Самолётик-душа над закатною рощей летает...
Всё! Отснято! Спасибо! Закончили!
Титры.

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Голландская живопись

Над Голландией снег и разбой
Белогубого алчного ветра.
Рощи терпят налёт безответно
И дрожат под злокозненный вой.

Нарастает в своей гущине
Рой – метель не идёт на попятный.
Далматинские чёрные пятна
На земле всё бледней и бледней.

Над Голландией падает снег
Из небесных мешков безразмерных,
И работа невидимых мельниц
Так наглядна и зрима для всех...

Сто шагов – и не видно ни зги...
Лишь вороны крестовые стаи,
Как распятия, в небе летают,
Распугав беспросветность пурги...

По низам вьюжный стелется дым.
На верхах нынче серо и хмуро,
Словно Рембрандт на серых гравюрах
Недоволен собою самим.

Над челом одинокой сосны,
Засиявшей, как медный подсвечник,
На равнине опалово-млечной,
Всходит круглое пламя луны.

На канале слюда всё прочней.
Всё яснее баржи тёмный контур.
Ночь.
Мешая белила и кобальт,
Пишет маслом Голландию снег.

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Он рисует понурый, смурной
Мир, пропитанный стужею волглой...

Хутора, словно синие волки,
Желтоглазо следят за луной.

Вспашка

Время терпеливо пашет.
По лицу проходит плугом.
Смотришь горше, суше, старше.

Жизнь захлёстывает туго
Горло, сердце, нервы, эго.
Суетишься. Суесловишь.

Под ознобно мокрым снегом
Крик глотаешь в изголовье
Непокрытой домовины.

Проживаешь дни провально.
Сыплешь ночи в котловину
Сна.

Кладешь на наковальню
Твёрдого стального «надо»
Все смешные «невозможно».

По кривой замысловатой
Движешься в тоске дорожной
В неизвестные пределы.
Там оправдан будешь вряд ли.

С круговертью хлопьев белых
Пробуешь затеять прятки.

Но судьба твоя простая
Вся видна, как на равнине.

ДАЛЬНИМ ВЕТРОМ

Не спеша её листают
В тишине всевышних скиний.

Так что ты крылом не дёргай.
Жди, когда дадут отмашку.

Небо вдоль дороги долгой
Сеет снежные ромашки.

Поднялась седая птица
В высь из ямки подъяремной.
Что зачтётся – то простится.

И, не тщась поторопиться,
Поле века пашет время.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Виталий Кальпиди

Из книги «Философия поэзии»

Чертёж ангела. Парщиков (2014 г.)

Оценивая положение дел, складывающееся после кончины большого художника, мы можем говорить не столько о том, что потеряли его, сколько о том, что приобрели его уход. И этот культурологический цинизм – последняя шкура, которую культура пытается содрать с того, кто её порождает и длит.

Уже более ста лет литературоведение пытается убедить себя, что поэтический (художественный) текст самодостаточен. Правда, как только дело доходит до какого-то длительного заинтересованного разговора о конкретном авторе, то сразу появляется необходимость в «дополнительной» информации. Этой «дополнительной» информацией может быть только хронологически сбалансированная и, насколько это возможно, подробная биография художника. Без неё сторонние индивидуальные трактовки не выйдут за рамки личного мракобесия, сколь угодно увлекательного и оригинального, но всё-таки мракобесия. Скрупулезная, основанная на современных биографических методиках, судьба Алексея Парщикова должна быть воспроизведена и как «предмет», и как «модель». Это наиважнейшая задача.

Лично мне было всегда сложно делиться своими впечатлениями об Алексее с кем-либо. Даже с самим собой. Я не могу похвастаться, что мы были близкими людьми. И это при более чем двадцатилетнем знакомстве. Он дважды приезжал ко мне в Пермь и дважды в Челябинск, когда я поменял место жительства. Я, в свою очередь, наезжая в Москву, пару раз останавливался у него. И, поскольку мы оба были равнодушны в те моменты к алкоголю, наше общение было вынужденно насыщенным и проходило без суеты и свидетелей. Впрочем, Алексей сам однажды описал сюжет одного нашего многодневного семинара на двоих в книге «Рай медленного огня». Но потом, мне кажется, я разочаровал его своей творческой практикой. Что ж, такое бывает. Правда, мы переписывались. Я присылал ему... назовём их «отчёты»... о своих культуртрегерских акциях, высылал книги, он всегда живо и подробно реагировал, но это был с его стороны, скажем так, эт-

нографический интерес. Именно это расстояние между мной и Алексеем Парщиковым, возникшее в последние семь-восемь лет его жизни, не оставляет мне права на конкретику в разговоре о нём. Поэтому я поделюсь умозрительными фрагментами, за неактуальность которых я заранее прошу прощения.

Два человека мне встретились в жизни, кто полностью подходил под определение «поэт». Прошу понять меня правильно: я не хочу сказать, что все остальные художники, с кем я встречался, таковыми не являются. Совсем нет. Просто я смог синхронизировать своё видение данного «организма» только с этими двумя. Один из них – Алексей Парщиков. В моём понимании, задача поэта – изменить себя при помощи писания стихов, а уж какие стихи в результате этого получаются, – дело десятое (а не десятое, так – пятое или третье, – но не более того). Недоощущение самим поэтом основной возможности поэзии – практически норма, к сожалению. Поэт до сих пор думает, что это он выдёргивает рыбу-стихотворение из небытия (блеск и трепыхание оной должны, по его мнению, производить неизгладимое впечатление на зрителей этой спортивной рыбалки), тогда как процесс если и происходит, то с точностью до наоборот. Это текст призван вытягивать художника из творческого хаоса и гранулированной структуры быта в сферы, где возможна созидательная динамика. Это тексты в состоянии предложить своему «автору» иной сценарий развития души. Это они подсказывают своему «богу», что он – не очень-то и бог. Так вот, А.П. – менялся. Такое впечатление, что он менялся скачкообразно. Я сам был свидетелем тому, как он дважды совершал нелогичные поступки, влекущие за собой серьёзные изменения в судьбе. Причём совершал их легко и без сожаления, что говорит либо о глупости, либо о естественности. В первой ни при каких обстоятельствах А.П. заподозрить было нельзя.

Тема свободы, свободы говорения в поэзии, всегда была актуальна, но до сих пор недооформлена в свою исчерпывающую, т.е. разрешаемую, форму. Речь совсем не о вульгарной альтернативе – пишу, что хочу, или не могу писать, что хочу. Речь не о цензуре – внутренней или внешней. Речь идёт об умышленном создании препятствий в виде как минимум рифмы и ритмики, мешающих прямому поэтическому высказыванию. Именно их наличие призвано имитировать существование иных сил, кото-

рые, накладываясь на волю поэта, теоретически допускают получить в результате дуалистический текст, внешне при этом не противоречивый. Я не анализирую верлибр по причине его нынешней переходности и неубедительной результативности (с моей, разумеется, точки зрения). Рифмы, ритм – это враги поэта. Отсутствие таких «врагов» делает поэта рабом своей свободы.

Мне очень нравится многопрофильная ритмика Парщикова, изгоняющая из райских куц стихотворения просодию и оставляющая одни движущиеся мускулы ритмики, практически аннулируя мелодию, во всяком случае, в её классическом виде. При таком раскладе парщиковские рифмы (в массе своей не экспериментальные) выглядят как архаика, но это архаика законов полёта и приземления, гравитации и сомнения в оной. Не буду размышлять о методике алхимического превращения рабства в свободу, ибо она очевидна и, как всё очевидное, требует избыточных доказательств, которых в природе не существует в принципе.

Эмоциональная директива личности Парщикова – лёгкость. Его древняя душа сбросила в своём долгом путешествии всё лишнее и стала похожа на невесомое птичье пёрышко. Она легче, скажем, даже Бальмонта и инфантильнее Агнии Барто. Но задачи, которые интересовали Алексея и разжигали алчность его поэтического зрения, заставляли его погружаться глубоко в иные среды. Что же нужно сделать, какую персональную гравитацию изобрести, чтобы это пёрышко могло нырнуть вглубь или подняться и совершить управляемый (подчеркну) полёт? Самый очевидный способ – изобрести утку, в оперении которой оно, пёрышко, найдёт себе место. Я хочу сказать, что почти перед каждым (не спонтанным) текстом (о спонтанных – разговор особый) Парщиков изобретал «утку» (стоит учитывать два смысла этого слова, манкировав третьим – медицинским), способную и нырнуть, и взлететь. Иногда она переставала работать «уткой» и превращалась в кого-то иного, и тогда Алексей что-то «доделывал» в ней уже внутри текста, иногда она расклеивалась и делалась неуправляемой, что превращало поэтическое путешествие в крушение с вероятностью грандиозными последствиями. К сожалению, наблюдателю (т.е. читателю) это никогда не будет заметно, поскольку художник переживает образ как идею, а зритель – как стиль. Стало быть, партнёрство, начальной стадией которого является взаимопонимание, в данном случае исключено методологически.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Формально русская поэзия оперирует русским языком, конфликтующим с русской речью, томно изнывающей от интонационной просодии. Но на самом деле русская поэзия занята тем, что генерирует и поддерживает в рабочем состоянии невострребованную надежду на создание ангельского языка, способного порождать ангельские мысли, чувства, многоступенчатые ангельские образы, а также представления об ангельской жизни и ангельской смерти. Возможности для этого у поэзии не самые выдающиеся, но, как говорится, чем богаты... А.П. хотел стать ангелом. Объективно – хотел. Он пытался изменить фокусированное зрение на расфокусированное. Обычную индивидуальную оптику на фасеточную. Он стремился дестабилизировать в себе (в своих стихах) слишком человеческое, чтобы иметь теоретический шанс договориться до нечеловеческого. Будучи, безусловно, сентиментальным человеком, он каждый раз пытался вырывать это чувство, являющееся позвоночником любого лирического текста, из своих стихов. И каждый раз, замороженный, наблюдал, чем заполнится эта пустота. Какая «нефть» поднимется из глубины и заполняет лакуну. Любой большой текст А.П. – это чертёж ангела. Иногда это рисунок ангела, как в «Деньгах», «Минус-корабле» или «Землетрясении в бухте Це», но в основном – чертёж. Причём, чёрно-белый. В моем бездоказательном утверждении заложен двойной смысл. К слову, выражение «двойной смысл» аннулирует понятие смысла как таковое. Ну, так вот. Я сам в недоумении, на каком варианте остановиться. Первый: сам Парщиков был ангелом и при помощи небесного AutoCADa создавал чертежи. Второй: текст, который он сочинял, на деле, если взглянуть на строфы под определённым углом, представлял собой чертёж, по которому можно было собрать модель ангела. Я отчетливо помню, как мы доразмышляли с А.П. в одной из бесед до того, что ангелы – это зрение бога. Сами они его ни разу не видели: какой же взгляд может похвастаться тем, что созерцал ниспославшего его... Но вот если проследить за ангелами, т.е. за взглядом в обратном, так сказать, направлении, то можно... сами понимаете, что. Помню финал той нашей беседы. Я спросил нас обоих: что же происходит, когда творец моргает? На это А.П., характерно хохотнув, ответил: «Происходит смена поколения ангелов...»

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Ничего не буду говорить о мета-, о мета-мета и прочих метаниях <...>. Замечу только, что, когда не очевидна суть происходящего, всегда появляется новый термин.

Чужая сложность кажется нам примитивом. Потому что не пускает нас дальше своей входной двери, и вместо того, чтобы любоваться роскошными интерьерами, скрывающимися за этой дверью, мы вынуждены рассматривать пипку дверного звонка. И нам это не по нраву, и мы злимся. Зато чужую простоту (ясность) мы понять в силах, её-то мы и пытаемся выдать за расшифрованную нами сложность. Мне ясно, что А.П. понимал поэзию как движение – как движение идей. С другой стороны, для этого движения нужно было обязательно создать лингвистическую среду. Сочинить и воспроизвести её. Очевидно, что идеи могут двигаться (да и вообще существовать) только в отсутствие истины. Потому что при её наличии любые идеи – это нонсенс. Движение текста А.П. – это движение, когда истина неубедительна, потому что спит. Зато может быть убедительным то, кого или что она видит во сне. Некачественный контрафакт истины в виде «правды» А.П. не интересовал в принципе.

Талант занят тем, что начищает до блеска давно существующие банальности, делая их тем самым интересными, по-новому заметными. Гениальность же создает парадигмы будущих банальностей. Другими словами: гений создает (выкапывает) артефакты, а талант их экспонирует. А.П. в своих текстах комбинировал, точнее – экспериментировал, так сказать, с «шитьём ботинка» и его «чисткой до блеска». Лично мне был ближе талантливый, а не гениальный Парщиков. Это звучит нелогично, но это так.

Выскажусь тривиально: известие о смерти А.П. для меня не подлинное. Оно не стало фактом и никогда не превратится в окончательное знание. Может быть, потому, что мы виделись редко и мне сподручнее представлять, что он где-то там, в своей германии-швейцарии-америке. Впрочем, мне и представлять-то особенно не надо. Именно поэтому стихи, которые надо было называть «На смерть Алёши», я ни разу не решился опубликовать под этим именем. Более того, я не смог даже нигде обозначить его имя, мне даже пришлось местоимение «он» везде заменить на «я», имитируя тем самым его не-отсутствие на этом свете. Вот эти строфы:

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Нашедший трёх богов четвёртому предписан,
пока четвёртый Бог, играя в небеса,
числом до трёх колец обуженный нанизан
на женщину шмелей по имени оса.

Голодный лось лежит в логу вполне логично,
и лижет сам себе солёную мозоль...
Не потому ли, что фонетика – первична,
способна на земле молиться только моль?

Беспроводная мышь при кухонном рассвете
исследует стола нехитрый интерфейс,
ей предстоит ещё китайский рис в буфете
найти и нагулять необходимый вес.

Летающие летят, ползущие смеются,
живущие живут чем дальше, тем скорей.
И ангелы на них, как дурачки, плюются
с провисших проводов в обличье снегирей.

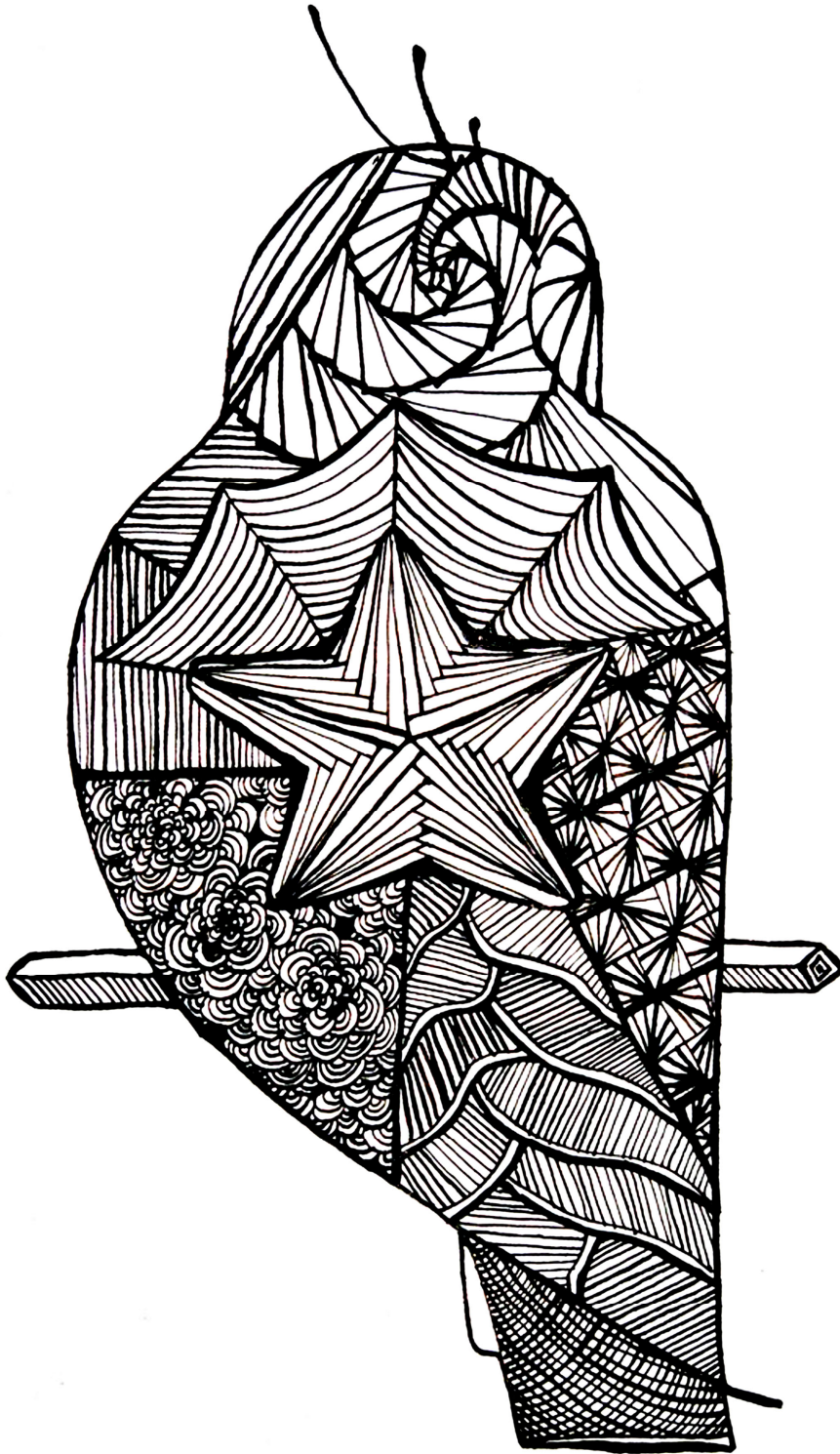
Рожденье, жизнь и смерть, как лебедь, рак и щука,
домчат-таки меня до рая напрямик,
где, взяв за горло сад и яблоко нащупав,
я вырву из листвы налившийся кадык.

И сделав пару па по травке в темпе вальса,
я крикну, под собой уже не чуя ног,
что все свои стихи я высосал из пальца,
которым тычет в нас скоропостижный бог.

виталий
кальпиди

философия
поэзии

Многие из наших читателей, люди сугубо городские, тем не менее, сохраняют тёплые воспоминания о деревне. Причина этих воспоминаний – деревенские каникулы. Благословенные летние дни и вечера в гостях у бабушки. Речка, костры, коровы, гуси, крапива, малина... Бывали подобные каникулы у детишек и в древние дореволюционные времена. Правда, далеко не у всех. Но тем, у кого родители были дворянами, а у родителей, в свою очередь, были имения – посчастливилось. Одним из таких счастливых был мальчик по имени Даня. Правда, папа у него был происхождения разночинского. Зато мама – дворянка почтенного рода Колюбакиных. «Колюбака» означает «веснушчатый человек». Но Колюбакины утверждали, что никакого отношения к веснушчатости их род не имеет. А просто таким образом переименовалась на Руси фамилия их предка, ливонского рыцаря Георга Ференсбаха.

Семья Дани жила в столице. Тогда ей был город Санкт-Петербург. Но самые светлые и тёплые дни своего детства Даня проводил в имении бабушки, Варвары Сергеевны, которую в семье называли просто «мамаша». По воспоминаниям Даниной сестры Лизы, они бегали вокруг клумбы под окнами бабушкиного кабинета и сочиняли стихи и дразнилки. Варили в парке варенье. Катались в пруду на лодочках. А недалеко было страшное и таинственное место, семейный склеп, где похоронены Данины и Лизины предки.

Сто лет назад идиллия закончилась. В январе 1919 года имение национализировали новые власти. «Мамаша» умерла в этом же году, в марте. Вопреки обыкновению, осенью предыдущего года Данина семья не вернулась в столицу. В бывшей столице было голодно. Жить пришлось не в деревне, а у двоюродного брата Дани, Сергея Леонидовича Колюбакина, студента-медика. И вот тринадцатилетний Даня в последний раз озирает взглядом дорогое сердцу Поволжье и отправляется на берега Невы.

Когда о выросшем Дане, ставшем одним из самых удивительных писателей нашей планеты Даниилом Хармсом, вспоминают, никогда не говорят о том, что он не только петербуржец. Даниил Хармс – волгарь. Доказательства налицо. Пруд, в котором он плавал. Парк, в котором он пробовал пенки с бабушкиного варенья. Семейный склеп, которого он боялся. И даже кабинет,

под окном которого он сочинял свои первые стихи, в бабушкином доме. Дом, правда, нынешние владельцы обшили сайдингом. Где же всё это?

Если от областных центров городов Среднего Поволжья – Ульяновска, Саратова, Самары и Пензы – найти равноудалённую точку, она как раз придётся на бывшее имение предков Даниила Хармса. Ныне там районный центр самого южного района Ульяновской области, село Радищево. Границы Саратовской, Самарской и Пензенской областей неподалёку.

Даниила Хармса не было в школьных учебниках, люди старших поколений пока не понимают, почему село Радищево – Земля Обетованная для пилигримов чёрного юмора, крестоносцев абсурда и паладинов детской поэзии. Но теперь, уважаемые пилигримы, крестоносцы, паладины, особенно если вы живёте в перечисленных городах, штопайте котомки! Выходные ровно за неделю до Грушинского фестиваля в селе Радищеве наши. Будьте во всеоружии. Пишите для детей. Достигайте зловещего совершенства в чёрном юморе. Едьте крышей при постижении глубин абсурда. Пока что Хармсовский фестиваль (если это можно назвать словом «фестиваль») в Радищево в стадии подготовки. Следите за соцсетями. Информация будет выкладываться по мере накопления. Слово-пароль – колюбака (kolyubaka). По нему да найдёте своих. Всем Колюбака! Всё.

КУЙБЫШЕВСКАЯ ГЭС В ПОЭЗИИ И МЕМУАРАХ

(коллаж*, составитель – Георгий Квантришвили)

Примечание: Стихотворения публикуются в аутентичной форме. В отрывках из мемуаров для комфорта читателя выпущенные фрагменты, либо их перестановка – скобками, многоточиями и т.п. публикационным академизмом не отягощены. При цитировании рекомендуется обращаться к первоисточникам.

Александр Яшин

поэт, был в Куйбышеве на строительстве ГЭС с 13 по 25 февраля 1951 г., «Литературная Газета», 1951, 10 мая

Первые стихи

– Начинайте! – приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В глубину прохладного суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

А пока – топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганые птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник – сам себе на удивленье –
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье,
Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...
Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

Николай Кожевников

*инженер-гидролог, на строительстве ГЭС с первых дней,
главный инженер участка №6, из воспоминаний «Нас водила мо-
лодость», Москва, 2000 г.*

При распределении на работу я был направлен в гидромеханизацию МВД СССР на строительство Куйбышевской ГЭС. Здесь было и моё желание, хотелось поработать на великой «стройке коммунизма», как в то время именовалось это строительство.

Прежде всего в отделе кадров Управления Гидромеханизации МВД нам выдали толстенные анкеты в виде книги с грифом «секретно», которые мы должны были заполнять только в стенах

конторы. Корпел я над этой книгой целый день. На большинство вопросов я отвечал: «нет» и «не знаю». Были, например, вопросы – «Где похоронен мой дедушка», «состоял ли я в партии эсеров» и т.п.

Через несколько дней меня и моих товарищей к 20-00 вызвали в МВД на Лубянку. Нам выдали разовые пропуска, предупредили, чтобы мы ничего не записывали и что нас примет Заместитель Министра генерал Обручников. Проведя длинными коридорами с постами охраны на каждом повороте, нас сопроводили в обширный кабинет заместителя Министра с дубовой облицовкой стен. В конце кабинета стоял большой письменный стол с горячей настольной лампой, в комнате стоял полумрак. Открылась дверь за столом и в кабинет вошла крупная овчарка, села у стола и внимательно стала наблюдать за нами... Затем вошел сам генерал Обручников.

Генерал прочитал нам напутствие в том, что Куйбышевгидрострой– великая стройка МВД и мы будем работать со «спецконтингентом», т.е. с отбывающими наказание преступниками, которых перевоспитывают в системе ГУЛАГа путем их принудительного привлечения к труду. Мы ни в коем случае не должны вступать с ними в контакт, а тем более выполнять их просьбы. Родина доверяет нам большое дело и мы должны оправдать это доверие. Нам по мере работы присвоят офицерские звания и мы будем пользоваться установленными льготами.

Прием, конечно, был проведен для нашего устрашения, но, тем не менее, этот факт также свидетельствовал о внимании системы к кадрам. Во всяком случае, полумрак, молчащие охранники в длинных коридорах с коврами дорожками и овчарка психологически нас впечатлили.

Геннадий Красухин

*литературовед, литературный критик, писатель,
из «Круглого года с литературой», «календаря,
частично основанного на мемуарах»*

Моё знакомство с Иосифом Марковичем Машбиц-Веровым, родившимся 5 июля 1900 года, было коротким. Оно уложилось в несколько командировочных дней. Нас посылали для выступлений главным образом в новом городе Тольятти.

Ещё не сомкнулись волжские воды над затопленными зданиями исчезнувшего с карты города Ставрополь-на-Волге, часть которого и стала Тольятти. Ещё не снесли ГУЛАГовских бараков, где жили заключённые, строившие Куйбышевскую ГЭС. Вот и показали нам и затопление, и один из таких бараков. Через два года я был в ГДР, видел барак, оставшийся от гитлеровского концлагеря в Бухенвальде. Сравнивал с тем, что видел под Куйбышевом. Похожи!

Ну, а Машбиц-Веров тут причём?

А при том, что он председательствовал на научной конференции, которая состоялась в рамках нашей поездки. Конференцию организовал Куйбышевский пединститут, где Иосиф Маркович был профессором и, кажется, заведовал кафедрой.

Конференция увязывалась с посещением Тольяттинского автозавода и была посвящена теме рабочего класса в советской литературе. Скучнейшая, конечно. С барабанными докладами и деревянными прениями. И Машбиц-Веров мало чем отличался от остальных её участников.

Может быть, я с ним и знакомиться не стал бы, если б не банкет. Он был дан силами института и местного отделения союза писателей. И потому выпивки стояло много, а когда водка была выпита, принесли ещё.

Вот здесь, хорошенько, как говорится, приняв на грудь, я стал вспоминать увиденный мною лагерный барак: как же там размещались на трёхэтажных нарах, неужто не замерзали в щелях саманном строении? Или оно уже сейчас дыряво, а прежде всё было замазано?

Было шумно, но старичок-профессор, находившийся неподалёку от меня, слышал. Подошёл ко мне и обстоятельно ответил на все вопросы.

Не отказался от моего предложения выпить ещё. И ответил на новый мой вопрос: откуда ему всё это известно?

А он в таком лагере провёл немало времени, объяснил Машбиц-Веров. Взяли его в 1938-м. Осудили в 40-м. Дали восемь лет исправительно-трудового. А в 42-м сперва приговорили к расстрелу, но потом заменили десятью годами.

– *Сколько же вы просидели?* – спросил я.

– *Это в тюрьме сидят,* – усмехнулся Машбиц-Веров. – *А в лагере не посидишь. Читайте. В 38-м арестовали, а в 54-м освободили. Реабилитировали в 55-м.*

– *Шестнадцать лет!* – ахнул я.

– *Да,* – сказал старичок и назидательно поднял палец: – *По ложному доносу!*

Александр Яшин

журнал «Знамя», 1951, № 7

Романтик

Юноша, окончив ФЗО,
Получил на Волгу направление.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
– Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот,
И уже – на стройку коммунизма!..

Берег в грузах, да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел как с самолета.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Думал сразу бригадиром стать...
Дали парню самое простое:
Глину рыть да кирпичи таскать,—
Как везде, жилье сначала строить.

Комары, камыш береговой...
Первый тракт в лесах едва проторен.
А хотелось написать домой
О дворцах,
о чудесах,
о море.

Будет все!
Но нет терпенья ждать.
И в обед, устроившись под елкой,
Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Раздались седые Жигули,
Раскаленная вода клокочет,
Дня уже не отличить от ночи,
Вздыбленного неба от земли...
Он иначе и писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблистало,
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, хлопец в дни войны
Видит героические сны
И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин сообщает,
Что все дни в походах,
Жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Николай Кожевников

Два слова о работе с ЗК. Наряду с тёмным и забитым контингентом здесь были и рецидивисты – паханы, которые считали позором для себя честную работу. Но эта организованная банда верховодила и по существу командовала всеми бригадами при поощрении лагерного начальства. Среди этих бандитов-паханов и воров «в законе» неоднократно проходили разборки с убийствами, в том числе при игре в карты, ставкой в которых была жизнь, в том числе и на объектах гидромеханизации. Случаев убийства вольнонаёмных я не припомню. Но утром на вводе ЗК в зону и вечером при их выводе в лагерь было неприятно смотреть на эту процедуру на вахте с конвоем и овчарками. Наряды на бригады ЗК писались, конечно, чтобы у них был зачет срока 1:3, в этом было заинтересовано и начальство лагеря.

Неординарными мерами было сохранено ограждение опоры от разрушения при весеннем ледоходе, хотя плата за это была чрезмерно высокой и была сопряжена с опасностью для жизни людей, которые ежедневно попадали в ледяную воду при сильных морозах, но кто с этим считался и кому они были нужны...»

Игорь Никулин

*в 1950-х – зам. главного инженера – главный энергетик
управления «Куйбышевгидрострой» ГУЛАГа МВД,
из рукописи «Куйбышевская ГЭС», подготовленной для
тольяттинского Городского музейного комплекса «Наследие»*

Заклученных возможно и целесообразно было концентрировать в любом, сколь угодно большом количестве на крупных и сверхкрупных стройках. Именно специфика ГУЛАГа породила в нашей стране вирус гигантомании, явилась для него благоприятной питательной средой.

Горы земляных и бетонных работ на ГЭС и других объектах г. Ставрополя в те годы были перелопачены заключенными – людьми, лишенными элементарных человеческих прав и возможности удовлетворения своих потребностей

Крушение нашей экономики предопределили гиганты социалистической индустрии (не только сверхмощные ГЭС), фундамент которых был заложен неограниченными интеллектуальными и трудовыми ресурсами ГУЛАГа. Эти гиганты технически и экономически не могли модернизироваться в ногу с научно-техническим прогрессом и были обречены на техническую и экономическую отсталость...»

Эмма Герштейн

литературовед, из «Мемуаров»

Когда началась кампания по борьбе с космополитизмом, то есть попросту антисемитский разгул, [мой знакомый], как еврей, не мог больше работать на институт Академии наук, уехал в Куйбышев на строительство гидростанции. Там он работал инженером. Приезжал оттуда в Москву и описывал спокойным тоном всякие ужасы. Нет, это не был спокойный тон, а леденящий тон человека, который смотрит на жизнь беспощадными глазами. На этом строительстве работали эки. Однажды они играли в футбол или во что-то вроде этого. «Я смотрю, – рассказывал он, – у них какой-то странный мяч. А когда они закинули его поближе ко мне, я увидел, что это человеческая голова. Они пинали ее ногами». Он уверял, что много человеческих трупов забетонировано в блоках нового моста через Волгу. От его бесстрастных слов веяло ужасом.

При всей моей любви к Волге я с тех пор и подумать не могла о прогулке на теплоходе по великой реке.

Николай Кожевников

«В первую весну после перекрытия паводок был высокий и много рыбы погибло после спада воды на берегу, от гниющей рыбы стоял смрад. В рыбоподъемник у ГЭС рыба не шла.

Андрей Вознесенский

поэт, журнал «Новый Мир», №11, 1958 г.

На открытие Куйбышевской ГЭС

Мы – противники тусклого.
Мы приучены к шири –
Самовара ли тульского
Или «ТУ-104».

Разудало, по-русски,
Быстриною блещут
Широченные русла
В миллион киловатт.

В этом блещущем крае,
Отрицатели мглы,
Мы не ГЭС открываем –
Открываем миры!

И стоят возле клуба,
Описав полукруг,
Магелланы, Колумбы
Из Коломн и Калуг.

У трибун, подбоченьясь,
Речь вбирает народ.
Ну, а кто побойчее –
Сам словечко вернет!

Вставит веско, не робко,
Что там твой эрудит...
Обалдело «Европа»
В объективы глядит.

И сверкают, как слитки,
Лица русских ребят
Белозубой улыбкой
В миллиард киловатт.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Андрей Вознесенский

из книги воспоминаний «На виртуальном ветру»

«Студентом-практиком я был на строительстве Куйбышевской ГЭС во время перекрытия Волги. Потом в институтском НСО делал доклад о металлической сетчатой опалубке, впервые примененной там. Даже получил грамоту НСО. Но бетон был для меня спрессованным стоном заключенных. Тогда я уже написал стихи «Мы дети культа личности» о лбах лагерей с венками из колючих проволок. Пастернаку они нравились. Художник Г. Г. Филипповский, бывший з/к, пустил их по самиздату. В те времена писать об этом было рискованно».

Кирюхин Владимир

*писатель, житель г. Ставрополя (ныне – Тольятти) с 1950 г.,
из воспоминаний «Это было недавно», журнал «Город»,
Тольятти, №41, 2018 г.*

Вниз по мощеной галькой дороге до старого Ставрополя полтора километра. В нем, исчезающем, все меньше и меньше домов, вот и собор взорвали, но не полностью, больно постройка крепкая, кирпичи яичными желтками крепились, не разлетелись. Так и ушел купол под воду, под разлив новой Волги. Внизу, на берегу вновь созданного моря, остались лишь четыре здания бывшей земской больницы. Первые этажи каменные, а вторые деревянные. Полностью размыло кладбище, которое намеревались перенести, да так и не перенесли. Несколько лет после разлива на волжский песчаный берег вода выбрасывала кости и черепа. Память о старом Ставрополе на Волге. И все.

Александр Яшин

газета «Волжская коммуна» (Куйбышев), 1951, 27 мая

Взрыв

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лишь где-то очень далеко,
За линией хвойных круч,
Затеплился свет
Намеком
На первый солнечный луч.

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистей и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь, —
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,

В таких ли горах!
Однако
Уже не первую ночь,
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть невмочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,
Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни.

И что впереди саперов
К подножью издалека

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Примчат из кино репортеры
На крытых грузовиках.

И вот над леском сосновым
Луч солнечный засиял,
Вот подал старшой —
Не словом,
А взмахом руки — сигнал,

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора...
Не выдержав напряженья,
Вскричали друзья:
— Ура!

— Ура! — закричали рядом
Шоферы, подрывники,
Как будто под Сталинградом,
Когда бросались в штыки;

— Ура! — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам;
— Ура! — пронеслось над Волгой,
За Волгой
И по лесам.

И верилось, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

Игорь Никулин

Куйбышевская ГЭС дала старт гигантомании в электроэнергетике.

Снесены с лица Земли и затоплены города и села, где проживало веками, по оценкам Гидропроекта, 1,1 млн человек. А сколько людей самостоятельно выехали из сельских районов, прилегающих к водохранилищам, из-за резкого изменения микроклимата и условий жизни – никто этого не считал. Рукотворные моря – водохранилища ГЭС – превратились в накопители нечистот и продуктов разложения органической природы.

Польза от этой электроэнергии несопоставимо мала в сравнении с невосполнимым ущербом, который гидростанции нанесли природе, человечеству и экономике России.

Печально сознавать, что державный склероз пока распространяется не только на массовые репрессии и ГУЛАГ, но и на его гипертрофированные творения...

Вечно возобновляемые биологические ресурсы и их энергетический потенциал, уничтоженные на дне водохранилищ гидроэлектростанций, никогда не могут быть окуплены электроэнергией, вырабатываемой этими электростанциями. И вся эта вакханалия начиналась зловещим ГУЛАГом на строительстве Куйбышевской ГЭС.

Александр Яшин

*из речи на Втором всесоюзном съезде советских писателей,
Стенографический отчет, 1956*

Нельзя сказать, что мы не видели сложностей. Но мы бежали от них.

И я до сих пор чувствую себя виноватым, что не проявил гражданского мужества.

Мы больше сделали бы, если бы ни при каких обстоятельствах не прятали голову под крыло.

Вероника Тушинова
журнал «Знамя», 1959 г.

Куйбышевская ГЭС

Она предстала мне в сиянье лета,
сперва ничем не поражая глаз, –
так гармонично, так великолепно
она с рельефом местности слилась.
Белея между небом и водою,
она казалась мне издалека
нерукотворной горною грядою,
существовавшей долгие века.
Она гигантским гребнем неустанно
расчесывала белую кудель,
она рождала ток, и было странно,
что ей самой-то несколько недель.
Что были котлованы, перемычки,
бураны, ливни, многолетний труд,
что здесь менялись русла и привычки,
что суша заново творилась тут.
Что были дни побед и поражений,
аварии и подвиги, и грусть
с лица земли исчезнувших селений,
и все, что перечислить не берусь,
все, все, что было до ее рожденья...
Так живописцев лучшие холсты
непосвященных вводят в заблужденье
чертами гениальной простоты.

**Виктор Пелевин. «Тайные виды на гору Фудзи»,
ООО «Издательство «Эксмо», 2018**

Когда становишься счастливым обладателем только что вышедшего из печати романа Виктора Пелевина, на время чтения забываешь практически обо всём, а в это время на тебя со всех сторон сыплются вопросы: о чём он?

О счастье. И попутно, немного, - о красоте. Это не трактат в стиле Умберто Эко, речь идёт уже о последствиях – чисто прикладной стороне явления. «Летом после шестого класса Таня наконец разгадала тайну. В потрёпанной переводной книге, которую она читала на берегу моря, ей встретился древний афоризм: «красота в глазах смотрящего» <...> Это не она, Таня, сама по себе была пятаком или червонцем. У неё не было никакого фиксированного номинала вообще. Но коллекционеры монет, населявшие мир, готовы были обменивать её на разные суммы по непонятным для неё причинам. Повлиять на их выбор было трудно. Но на тех, кто принимал её за червонец, она могла твёрдо рассчитывать». То, что красота не гарантирует ни счастья, ни успеха, знают все. «Поезд, на который брали только красивых, был реальностью; можно было ехать на нём – или нет». Что такое счастье – это каждый (как известно, хотя, возможно уже и не всем; для тех, кто не знает – А. Гайдар) понимает, конечно, по-своему. И на внутренний вердикт, вынесенный в ответ на вопрос: ты счастлив? – повлиять тоже практически невозможно. «Счастье ни с чем не путаешь. Но оно бывает сильным, слабым, мимолётным, нечаянным и так далее. А бывает высшим. Вы какое хотите? - Высшее, конечно. Самое сильное и глубокое счастье, какое только может быть. – Я так и подумал. Но ведь здесь должен быть какой-то критерий, верно? Чтобы мы ясно понимали, о чём говорим. А то, с одной стороны, вы хотите высшее, а с другой – самое глубокое. Уже на вербальном уровне противоречие». В романе сталкиваются две концепции. В качестве методики достижения счастья используются буддийские техники медитации: «Счастье – это психический эффект. Ваше, так сказать, субъективное состояние в конце определённой процедуры. Продать и купить можно только процедуру. То есть технологию достижения счастья». То есть, как обычно, речь идёт не о буддизме, а о технологии монетизации стабильно пользующихся спросом состояний.

И в некотором роде тема продажи технологии достижения счастья, лежащая в основе романа, продолжает тему, обозначенную в предыдущем романе (iPhuck-10) как «секс с философией», в смысле, в целях извлечения прибыли «охватывать не только конкретное, но и абстрактное», в «интерфейсе, не поддерживающем абстрактных смыслов. Только прямые». iPhuck-10 был посвящён проблеме монетизации удовольствия, состояния менее сложного, чем счастье, но каждый раз приходится идти дальше... И неожиданно на этом пути автор подарил своим героям надежду на его (счастья) обретение – а вместе с ними и нам, читателям. После долгих и поначалу провальных попыток вырваться из нирваны (как в старом анекдоте: вход – рубль, выход – совсем другие деньги) обретение если не счастья, то хотя бы радости возвращения в знакомый мир происходит по Конфуцию: счастье – это когда тебя понимают, большое счастье – это когда тебя любят, настоящее счастье – это когда любишь ты. И что интересно, хотя роман «Тайные виды на гору Фудзи» посвящён более сложной проблеме, внешне он поначалу производит бесхитрое впечатление, поскольку строится на таком банальном, на первый взгляд, материале как взаимоотношения между полами (по сравнению с проблемой искусства, рассматриваемой в iPhuck-10). В одной из рецензий его даже окрестили «любовным романом от Пелевина». Можно и так сказать, но нет, это не любовный роман, а по глубине ничуть не уступает ни iPhuck'у, ни S.N.U.F.F.у А хотелось бы. От Пелевина.

Вообще, о романах Виктора Пелевина можно много чего сказать в силу их цветущей сложности, вследствие чего обычная трогательная процедура ломания копий фанатами писателя в бесконечных битвах за лучшее объяснение того или иного эпизода в свете того или иного философского учения, на мой взгляд, не имеет большого смысла. Хотя, конечно, имеет право на существование. Но я этой стороны, не будучи специалистом в этой области, не касаюсь. Мне кажется, что, когда человек улавливает глубинные закономерности, знание частных особенностей роли не играет. Общая картина всё равно адекватно отражает реальность, и (как характеристика выходящих из-под пера автора текстов) – это чистое наслаждение: наблюдать, как Виктор Олегович свободно обращается с накопленными, условно говоря, за столетия образами, смыслами, концепциями, дискурсами (и прочие умные

слова). Ведь реально это очень большая масса, а он легко её поднимает, трансформирует, перетасовывает всё это, при том не погрешая против истины. Насколько это возможно, конечно, учитывая, что мы вообще не знаем, что это такое. (Но ведь погрешность в случае её наличия ощущается). И вот оказывается, что это нечто можно отразить самым фантастическим, невероятным, стрёмным образом, и в случае корректного отображения получается произведение искусства.

Это в общем, и, на мой взгляд, этого достаточно. Но если спойлерить, то продолжим. Народная мудрость гласит, что счастье не в деньгах. И в то же время молчаливая народная мудрость полагает их необходимым условием достижения счастья. Главные герои романа – олигархи из списка Форбс, и деньги у них есть, но нет в жизни счастья; они испытывают «холодное одиночество в тундре, помноженное на риск в любой момент сгореть в потоке магмы», что «есть просто иносказательное описание внутреннего мира человека на самом верху социальной пирамиды». У Виктора Пелевина, одной из сквозных тем произведений которого является мифология и мифотворчество, есть своя мифология. И, конечно, Фудзи на страницах его книг читателю встречается уже не в первый раз. В новом романе буквально на первых страницах говорится, что «вершина Фудзиямы – несомненный символ высочайшего достижения». Я бы заметила, что Фудзи представляет собой усечённую (возможно, в целях маскировки) пирамиду. А где пирамида – там развод на деньги, и ловкий молодой стартапер предлагает людям из списка Форбс вложить денежки в развитие технологии добычи счастья, и первыми протестировать полученный результат. Первопроходцев в любых областях часто поджидают сюрпризы, и героям романа избежать этой участи не удалось. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Виктор Пелевин часто пользуется апофатическим методом познания, и определения тех или иных явлений в своих романах даёт исходя из него. Так и здесь: испытывая ряд состояний на пути достижения счастья, и каждый раз убеждаясь, что это не оно, что заставляет их двигаться дальше, в конечном итоге герои на чужом горбу достигают просветления, которое тоже не добавляет им радости. « - Конечно. Мокро, злоба берёт, щекотно, помадой пахнет, денег жалко. Мокро, злоба берёт, щекотно, опять злоба берёт, спазм, думаем про инстаграм, ещё спазм, помадой пахнет. Физическое,

ментальное, физическое, ментальное. А раньше всё сплавлялось в единый опыт общения с дорогой и красивой женщиной. — А можно опять сплавить? — В каком смысле? — Ну, чтобы было по-человечески. Как раньше, без дефектов. — Я, наверное, не вполне точно объяснил, — сказал буддолог. — Это вовсе не аберрация или дефект восприятия. Совсем наоборот, это духовное прозрение». И оно (прозрение) добавляет проблем, поскольку выбраться из этого состояния без посторонней квалифицированной помощи (да что греха таить, и с ней тоже — человеку всегда и везде приходится рассчитывать только на себя) не представляется возможным. Этот всем известный комсомольский принцип лежит в основе фабулы — герои, создав себе трудности, вынуждены их преодолевать, что они и делают с разной степенью успешности уже в зависимости от личных особенностей. Вот тут-то от извращённого буддизма (поскольку передача духовного состояния неподготовленным субъектам с целью заработать денег на ремонт монастыря классической буддийской практикой назвать трудно) происходит переход к своего рода неканоническому конфуцианству. А также переход хода к персонажу второй линии — не особо удачливой содержанке Таньке, что позволяет затронуть и гендерный вопрос в современном обществе. Но не бойтесь, в новом романе нет ничего про феминизм, подвергнутый доскональному рассмотрению в паре предыдущих романов уж точно. Зато в истории взаимоотношения полов есть кое-что новое, а именно: кажется, впервые здесь есть равноправное взаимодействие. В конечном итоге все люди являются заложниками пола и связанной с ним гендерной роли, плюс внешние обстоятельства, про которые римляне говорили, что они сильнее нас. С одной стороны, это можно воспринимать как оправдание слабости, но если посмотреть с другой — а как бы иначе мог действовать рок? И в сухом остатке остаётся несколько простых истин, типа: секс без любви — так себе удовольствие (а другие физические удовольствия при этом ещё тупее), и жизнь заодно, а того, что скрыто от тебя — не испытывай. И единственной нитью, ведущей к выходу из этого лабиринта, оказывается то, чем движется весь мир (древние греки) — любовь. Или её бледная тень, хотя бы — не случайно это пресловутое «восхождение наоборот» удалось Феде, который всё-таки помнил Таню, а остальным, кому и вспомнить было нечего — нет. «Федя бабу нашёл, которая ему каждый день мозги компо-

стирует <...> он просто соскользнуть назад не успевает. Повезло парню». Высшее наслаждение безлично, а если вам жаль расставаться со своим несовершенством, то придется вспомнить Блока (только влюблённый имеет право на звание человека). Конечно, к не совсем простому хэппи-энду истории можно придирается, слишком уж эта идиллия напоминает манипуляцию, но, возможно, и результат манипуляции, эксплуатирующей естественную закономерность (надо заметить, что гендерные роли в этом кривом мире традиционны: мужчины зарабатывают деньги, а женщины – в обмен на секс и правильную упаковку, - получают право их тратить; другими словами, работает каноническая форма, хотя и с выхолощенным содержанием), не так уж безобразен в мире, населённом непросветлёнными личностями.

Ведь, по большому счёту, человек бывает счастлив только своим трудом, и в прямом, и в переносном смысле. Вот такая простая мораль в парадоксальной, как всегда, и приятно остроумной форме.

Говоря о романе, хочется цитировать ещё и ещё. Но уже много процитировано, а, кроме того, пелевинские тексты – это своего рода кимберлитовые трубки, уходящие к центру земли, чьи стены усыпаны алмазами разного размера и степени чистоты, и всех их сосчитать просто невозможно. Тут и о текущем моменте – « Было нечего надеть, стало некуда носить. – Замечательно, - сказал Дамиан. – За вами записывать надо. – Это не я, – ответил Фёдор Семёнович. – Это поэт Вознесенский. Ты, наверное, про такого и не слышал» (были, были на фб дискуссии о Вознесенском, когда писался этот роман). И о вечном – «жизнь» - это просто переживание ограничений и обязательств, накладываемых материей на сознание». И никакого буддизма. Так сказать, nosynthesizers.

Елена Карева

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Эмигрантская лира. Сборник стихов, переводов и эссе.

Бельгия, Льеж. 2018. – 223 с.

«Эмигрантская поэзия». Этим словам уже больше ста лет. Именно тогда, в начале 20 века русская интеллигенция рассыпалась по Европе. Однако даже на чужбине продолжала писать по-русски, создавая нечто особенное – литературу Русского Зарубежья. Среди них немало величайших имен – Бунин, Куприн, Тэффи, Набоков. И не только.

Прошло чуть больше ста лет, но людей по-прежнему куда-то тянет. К неведомому счастью Там, которое ну никак не может быть здесь – в своем городе и в своем дворе...

Так, нет. Чувствую, что сейчас уйду в рассуждения доморощенных философов из социальных сетей. Нет. Человек создан для всего мира. Только важно, где бы ты ни был сохранять связь с Родиной. В том числе и с родным Словом.

Что такое эмиграция? Борис Гольдберг в своем стихотворении «Эмиграция – это судьба» (само название – ответ) отвечает на этот вопрос: «Это резкий уход от себя И в себя же потом возвращенье». [Гольдберг, 31 с].

Но, конечно, стихи посвящены не только теме эмиграции и тоске по Родине. Это и вечные вопросы жизни и смерти (Михаэль Шерб «Нас жизнь сперва научит ремеслу»). И стихи о любви, которая не спрашивает, собираешься ли ты влюбляться или считаешь себя «старым» для этого (Юрий Бердан «Неправильная любовь»). И о многом другом.

Но кроме этого сборник познакомит читателей с богатством Той литературы. Или представит ее заново, уже в новом свете с помощью конкурса поэтов-переводчиков «Свеча толмача».

Самое обидное,/ Что книги,/Которых уже не прочту/Об этом не пожалеют.

(Вебер Вальдемар, 174 с.)

Аргатак Татарстан. Литературный журнал. Казань. № 1 март 2018. – 253 с.

Казань. По-своему странный город. С одной стороны, часть России, с другой – совершенно отдельный мир. Мир, в котором до сих пор чувствуется власть сильной и решительной женщины – царицы Сюмбеки.

С чего вдруг я подумала о Сюмбеки – сама не знаю. Наверное, после прочтения автобиографического произведения «Неоконченный роман» Инны Лимоновой.

«Аргатак» сам по себе поражает своей искренностью. Здесь нет самолюбования поэтов, «самовыражывающихся», нет стремления эпатировать публику. А есть только искренность. Слова и темы, от которых может стать больно. Но, как писала Тэффи: «Слава Богу, что больно. Слава Богу». Ведь от этой боли ты больше, чем от чего-то другого, почувствуешь себя Живым. Способным болеть чужой болью.

Итак, «Неоконченный роман» Инны Лимоновой. Будем надеяться, что этот роман (или повесть, сама автор толком не знает) не будет окончен еще очень и очень долго. Потому что это не роман о вымышленной героине, а опыт женщины, победившей рак.

Тему рака любят поднимать в современных мелодрамах. Если героиня должна заболеть – то это либо порок сердца, либо рак. Такими сюжетами легче всего «выбить слезу».

Инна Лимонова «слез не выбивает». Она пишет о своей жизни, в которой рак оказался в некотором смысле поворотным пунктом.

«Рак – болезнь не смертельная, это всего лишь поворотный момент в жизни и возможность осуществить то, о чем вы всегда, не подозревая об этом, мечтали». [31 с].

Но рак – не центр романа. Инна пишет о многом. О сути творчества, в первую очередь, разумеется, писательского, о любви и безразличии – в том числе безразличии тех, кто должен быть поддержкой на нелегком пути Жизни. Родителей, учителей, врачей. И о судьбе сильной и одинокой женщины.

Но в первую очередь этот роман посвящен жизни и смерти... Попыткам понять, что же это такое.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Вот восьмилетняя героиня просыпается от страшной мысли – все умрут. И она, и ее родители. Все. А они спросоня утешают ее, что «она никогда не умрет». Да и они еще не скоро.

Но детское сердце уже задается вопросами – что же такое смерть? Величайшая несправедливость. Но кому предъявить обвинения, если «Бога нет»? Так ведь учили в советских школах.

И вот она же спустя годы теряет семнадцатилетнего сына при нелепых обстоятельствах. Что теперь может ее утешить? 15 лет убийце? Или уверения священников, что «убитые на Страстной неделе сразу становятся святыми»?

Чем больше читаешь, тем больше зреет в душе вопрос: «Господи, как же можно все это выдержать??». Столько испытаний, и никакой поддержки, если не считать помощи ее отца. «Первая учительница», которую героиня раздражала буквально всем, мужа, от которых героиня никогда не видела поддержки, гибель сына – а затем и страшный диагноз. Как можно вынести столько всего в одиночку?

Когда-то я смотрела спектакль «Любишь, не любишь», который одной фразой отвечает на этот вопрос. «Женщина имя мое». Женщина. Вот и все.

Теперь мне есть, что терять, и потому я буду беречь эту жизнь, вкушать ее, как изысканное вино и благодарить Бога, врачей и книги, которые научили меня этой великой премудрости – просто жить.

Алина Науменко

**«Земля». Поэма. Саратов 2018 г.
Группа авторов. Тираж 100 экз.**

Крафтовая бумага на ощупь шершавая...страницы, как высушенные листья, опавшие на землю. И текст на них напечатан... слова, как вспышка, как возвращение сознания, как путешествие сквозь время и пространство: вот вы взбираетесь на холодный вязкий холм, а через минуту оказываетесь "...в эпицентре огненного смерча, разорвавшегося и испепелившего моё тело, ввергнувшего моё сознание в пылающе-чёрную бездну тотального

КНИГА ЗА КНИГОЙ

уничтожения. Однако сквозь непроницаемую пелену безвременья к тому, что можно было назвать мной, тянулось едва заметное мерцающее ощущение. Сознание возвращалось."

И так раз за разом, страница за страницей...

Вот Она - Женщина, вот Она - боль, вот всё погружается в ужас и мрак, а затем Она, уставшая, вновь восстаёт из мрака, чтобы услышать прославляющую её песнь. Пока всё не обратилось в камень, ведь "человек существо упрямое, уж он точно что-то придумает, взгромоздит ограды. Он вообще любит ограды, нагородил себе полые каменные глыбы и доволен: да и я доволен, в камне жить приятно. О, застланная женщина, укутанная домами, камнями городов!"

Меняется ритм, прозаический текст чередуется с поэтическим, и новые образы перемешиваются с уже увиденными, и вот она прилипает к вашей одежде, а на следующих страницах вы смотрите на нее из невесомости космоса, и становитесь свидетелем её гибели... Читатель как участник действия, преодолевающий пространство и препятствия, и созерцатель, ощущающий свою боль и чувствующий боль чужую.

"Израдец из слова,
прячет за собой
языка основу
первобытный вой."

И пусть вас не смущает объем произведения, несмотря на малое количество листов, и через несколько прочтений этой поэмы раз за разом будут вскрываться новые смысловые пласты.

Пока магмой не изольются потоком строчки:

"...Люди взрежут тебя, ископают, распашут,
перейдут из пещер на твой солнечный свет,
защитят, отвоюют, отнимут, накажут,
сбросят бомбы в окопы, под сердце тебе;
люди станут кичиться своим безрассудством,
отлетая чуть-чуть на своих кораблях,
но тела космонавтов к тебе возвернуться,
чтобы стать новой частью вечной тебя..."

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Это поэма о Ней: вспаханной, наполненной, опустошенной, испуганной, умирающей и возрождающейся... о Земле.

"И если не можешь помыслить - прикоснись ладонью: услышишь вечную песнь земли."

Алексей Ланцов «Бесстрашные глаза».
Санкт-Петербург, 2018 г. 116 с.

Заметила, что нравится мне читать поэзию русских эмигрантов, переехавших в скандинавские страны. Может, окружающий быт накладывает свой отпечаток на их творчество. Не знаю. Но только вот и книга Алексея Ланцова «Бесстрашные глаза» привлекла своей четкостью, точностью, ритмичностью. В такой поэзии внутренние переживания переплетаются с современными реалиями, как, например, в стихотворении «Шаблон разрыва»:

«...Я камни доставал из кладки,
Презрением жёг, бросал на грядки,
Испытывал резцом.
А после камни вымыл с мылом
И в упоении счастливом
Сложил перед крыльцом.
Я понял: я природе дорог
Как начинающий геолог,
Как следопыт.

А может быть, я тоже камень -
Запечатлённый в Инстаграме
Метеорит...»

Привлекает и самоирония автора:
«Внёс я в Декарта поправки,
Максиму вывел такую:
Я получаю лайки,
Значит, ещё существую!»

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Современная чеканка игры слов чередуется с мягкостью ностальгии, автор как будто приглашает читателя поразмышлять вместе о своём месте в мире, на чужой земле, о сходстве и различии наших миров, об одиночестве и такой близкой по настроению Осени, но всё-таки.

Можно бесконечно всматриваться в осенние краски, смешивать свои мысли с летящими кленовыми листьями, ведь многие зарисовки состоят из 2-4-х строчек:

"Листья - ноты, упавшие с пюпитра,
которые некому поднять..."

Всматриваться в очеловеченные деревья и в конце книги понять: несмотря на то что глаза, с обретением всё большего опыта, становятся со временем бесстрашными, но русская тоска, поселившаяся однажды в сердце эмигранта, не проходит через годы.

*"Нет, это не наша Родина,/Родина - где-то там./Листья
такие же вроде бы,/Так же летят к ногам .../Дух в ностальгии
плавится,/Прежде чем он поймёт:/Родина начинается/С выезда
из неё."*

Анна Билетченко

**Алексей Ланцов. Бесстрашные глаза.
СПб.: Юолукка, 2018. 116 с.**

Меня всегда интересовала тайна существования русского литератора в иноязычной среде. Что-то ведь должно происходить с языком, мышлением, взглядом на мир, рефлексией человека, для которого русский литературный – это не только способ коммуникации, но и способ постижения, отражения окружающего мира и утверждения в нём.

"*Мир – поэт*, – определяет сам автор, и тут же растерянно вопрошает – *Каким ему назваться именем?*" И это острый вопрос в рамках той же проблемы.

Что делать с языком? Углубляться в созвучия, исследовать архитектуру слов, собирать предложения наподобие графических

КНИГА ЗА КНИГОЙ

паззлов: *"Куда бредёшь, брелок?", "Воск воскресенья", "Трюмо выносят из трюма", "архив ив", "бизнес игорный и горный"?*..

Увидеть панацею в *"шаблоне разрыва"*? Это вполне логично в Ойкумене, где уравнивают друг друга философы Лакан и Лакают, переписывающиеся ВКонтакте, и хорошо известные Фидель и Рауль, умело использующие красноречие пуль.

Абсолютизировать правоту оставленной за границей Родины, не разрешая себе сомнений? *"Потому и воюет Россия на далёкой войне"*. И это понятно в мире, где *"Чёрный лебедь"* ассоциируется не с музыкой Чайковского, а с экономическим бестселлером НасимаТалебаи внешней угрозой.

И, к счастью, автора ещё хватает иронии на всё более виртуализированную ноосферу, где порой не отличить человека от компьютерного бота: *"Я получаю лайки, / Значит, ещё существую!"*; *"Я тебя всё равно не забаню, / Ты меня всё равно не отфрендись."* Мальчика от девочки: *"Знают теперь европейские дети: / Пол – не тюрьма"*. Жизнь от иррационального воплощения: *"в темноте что-то белеет: / не то парус, не то писсуар Дюшана"*. *"Новые фасыны беды от знаменитого авантюрье"*.

А ещё – книга насквозь пропитана осенью, пронизана осенним ветром от первой до последней страницы: *"По двору разбросана колода листьев – деревья устали играть..."*

И для меня это ещё одна причина оставить книгу на полке изданий, которые стоит перечитать ещё раз. Чтобы ещё и ещё раз попытаться понять, каково живётся и выживается в мире-поэте человеку-поэту.

Но чувствуешь – срастаются слова, / Как кости, и уже скелет-словарь / Бредёт вослед... / ...И Логос прорастает сквозь глагол.

Андрей Дмитриев. Африкаснег. Владивосток. 2016, 120с.

Бывают стихи, с которыми ты понимаешь, насколько сложен и многослоен мир. И вроде бы это тот самый мир, в котором живёшь ты, с тем же гвоздём в косяке двери, с той же чайной кружкой, обычной ромашкой с гадательными лепестками *"любит-нелюбит, плюнет..."* и теми же дворниками на улице. Но удава-

КНИГА ЗА КНИГОЙ

лось ли тебе понять или хотя бы просто задуматься, что *"без последнего лепестка / Ромашка теряет свой дар"* и *"прибитый криво, / Гвоздь в косяке не похож на маленькую гвоздику / Ни бутонном, ни стеблем"*? И не тебе ли *"дворники обещали вернуться / в наше потрескавшееся зазеркальное царство"*? И пока ты читал стихи из этой книги, на твоём столе стояла *"кружка, в которой остыла даже вселенная"*? И уж наверняка в твоём доме *"недавно за стеной поселились очередные соседи. / Днём – выясняют, кто прав, ночью – кто не прав"*. Точно?

Это ведь о твоих мечтах и надеждах сказано: *"все летучие рыбы твоих песнопений пошли на уху"*. И тебе наверняка стоит поговорить с автором о вкусе этой ухи. Пусть психотерапевты и коучи всех мастей со снисходительной утомлённостью твердят о том, что жизнь – это праздник, подумай над важным уточнением поэта: *"жизнь – это праздник с поправкой на ветер"*, не северный, не западный, не юго-восточный... этот *"ветер уже забыл о парусах, / но помнит о занавесках, о пёстрых подолах и скатертях"*.

В этом мире ты *"зажмуришь глаза / и станешь, как ни странно, более зорким и внимательным"*, ибо это *"не уход в себя, / а сверка с внутренним ощущением времени"*... Кстати, со временем всегда следует быть осторожным, а после этой книги особенно, глядишь: *"на часах – какие-то числа вычтут тебя из себя"*.

Эти стихи о тебе, о твоём мире, о твоей жизни и, значит, о твоей смерти. Ну, или о смерти вообще: *"Жизнь – в конверте – / всегда недочитанное письмо, чего не скажешь о смерти"*. Хотя стоит вслушаться, как важно Она представляется: *"Я – не смерть, я – космос, вытесняющий воздух в трахее"*. Можно подумать, тебе намного легче от этого, от осознания собственной малости, от острого видения, как *"жёлтое тельце разума обрамляют чёрные полосы"*. Автор этой книги не жалеет ни тебя, ни себя потому, что успел понять, как, наверное, и ты над страницами книги со странным названием "Африкаснег":

*Не то, чтоб смерть над лепестком не властна, / а просто –
без цветенья на земле /любая боль – бессмысленна.*

Сергей Пиденко

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Максим Котомцев. «Голос твой издалека».
Тольятти. «Амамах Поэц», «Плато Пресс».
72 стр. Тираж 100 экз.

В феврале 2019-го года в Тольятти выпущена книга текстов песен Максима Котомцева. Это совместный проект двух независимых издательств – «Амамах Поэц» (существует с 1990-го года) и «Плато Пресс» (существует с 2016-го года).

Максим Котомцев (1969 – 2007) – лидер легендарной тольяттинской группы «Хуго-Уго». Также Максим в разные годы принимал участие в группах – «Учитель Ботаники», «Хэй Джуд Структура», «Мерц-Оркестр ПОХОТЬ имени Алексея Кручёных» и др.

Книга называется «Голос твой издалека» – по строчке из песни Максима. Это первая попытка собрать в сборник основной корпус текстов песен Максима (включая наброски), которые звучат в альбомах и бутлегах «Хуго-Уго», а также часто исполнялись вживую на концертах.

Максим очень серьёзно относился к написанию текстов песен и поэтому их можно воспринимать как полноценные стихотворения.

В некоторых песнях Максим выступает как тонкий лирик, в других он продолжает поэтическую традицию обэриутов и дадаистов.

К огромному сожалению, жизнь Максима оборвалась в 2007-м году...

Книга «Голос твой издалека» посвящена памяти Максима и рассчитана не только на поклонников его творчества, но и на всех ценителей современной поэзии.

*О покое не просил/Солнце на плечах носил/Душа плачет слёзы
лёт/Ей одной так нужен лёд/Сердце рвалось на куски/И от грусти
и тоски /Выжить бы /Голос твой издалека/Эхом принесёт ре-
ка/Буду жить*

МихДер

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Алена Самсонова, «Несносная осень». Самара, 2018г. 37 с.

"Пишущая девочка - внезапна", хотя со времён Сафо прошло тысячу лет, но всё та же любовь к меланхолии. Осенняя грусть в преддверии зимней депрессии. Со всем этим под плед с головой. Лоскутное одеяло для одинокой женщины. "В слова запихивая смысл" и не найти чёрную кошку в тёмной комнате женской души. В каждом слове мировосприятие лишь одного мгновения, поэтому верить нельзя ни единому слову! "Несносная осень" совсем не причём, она для автора только повод для эмоциональных этюдов, таких знакомых и близких творческим натурам, и всё-таки женское, слишком женское!

Здесь правда не моя, моя – неправда.

Михаил Богатов. «Распад». 2017г. 64 с.

"Распад" - истощающее название поэм, отражающее настроение автора, его полное погружение в себя, ощущение безысходности и тяжести жизни. Мир, где чувствуешь себя одиноким статистом, последним зрителем нелепого спектакля. Мысли о высоком разбиваются вдребезги о повседневность. Исход не возможен, лишь алкоголь и серость! Из обломков прошлого не сложить ничего, умирающая поэзия, тоска ни о чём, заикленность на себе! Самосозерцание, перетекающие в саморазрушение! "Потому что я - каждый. Бесталанная сволочь».

Константин Медведевский

**Липатов Денис. "Науки юношей", "Деком",
Нижний Новгород. 96 с.**

В произведениях Дениса Липатова лично я сразу же почувствовала мужскую руку. Женская рука легче, зато мужская - весомее. А слово у Липатова сильно - сказал как отрезал, лишнего ничего не сказал, уловил самую суть. Кроме того, автор - в своей краткой, суховатой манере - точно и последовательно излагает

КНИГА ЗА КНИГОЙ

факты. Допустим, произведение "Две Екатерины" - факты представляют собою историческую ценность, а ведь мы могли забыть о них или же не знать их вовсе! Кроме того, мне хотелось бы обратить ваше внимание вот на что...

Я заметила, как сильно огорчают автора печальные реалии жизни. При этом ощущается... нет, не слепая покорность, но разумное смирение. Смирение, потому что изменить-то в сущности ничего и нельзя! Вроде как "Вот вам жизнь, она грустна - к сожалению, это так - и я вам немного расскажу о ней..." гВот, посмотрите, как много сказано этой фразой:

Я плачу каждый день, и не знаю, за что меня послал сюда Бог и почему я так долго живу на свете...

**Валерий Крушко. "Пыль пепла".
"Типография Облучинского", Ульяновск. 64 с.**

Первое, что мне бросилось в глаза в произведениях Валерия Крушко - это Эмоция, именно так, с большой буквы. Сильная как дух, голая как правда, неприкрытая и непреклонная. В авторе есть нечто такое, что позволяет ассоциировать его с каким-нибудь могучим деревом - какой бы ни была буря, он всё выдержит, он не сломается. Потому что с ним всегда его Эмоция ("...сорока кричала, летя над погостом, рябина горела, как свечи в раю..."). Она для автора важнее гладкости рифмы, изящества слова, своеобразия высказываний. Он не из тех тихих поэтов-созерцателей, что аккуратно - будто бусинки на нитку - нанизывают мысли собственно на строку, соотнося их друг с другом, сравнивая... Нет, автор - это борец, бунтарь, его пылкое сердце видит правду именно так - и именно так он желает её высказать...

вот послушай правду голую: музыка - не волшебство, коль меж музыкой и голодом - несомненное родство...

Любовь Денисова

Юрий Казарин. "Имя травы", Серия «Срез», Москва, 2018 г.

"Имя травы" - новая книга Юрия Казарина, который, будучи доктором филологических наук, человеком известным и успешным, покинул город и поселился в уральской глуши. "Почему?" - этот вопрос, наверняка, задавали многие. В сборнике "Имя травы", в который вошли стихотворения, написанные за последние 10 лет, ответ можно если не услышать, то почувствовать.

Едва ли не каждая строка пропитана ощущением конца. "Уже понятен времени объем", - пишет Казарин. И меж показавшихся берегов "это последний в себя заплыв", когда уже не остается никаких иллюзий. С каждым новым гребком - всё тяжелее дышать, с каждым новым гребком - лёгкие полыхают огнём.

Ты знаешь изначально -
чем глубже, тем больней.
Не истина печальна,
а приближение к ней.

Но всё же поэт направляется в эти глубины, чтобы, в итоге, столкнуться с тотальным одиночеством. Здесь не помогут обращения к богу. В ответ на вопросы и мольбы человек слышит лишь собственные слова, эхом отскакивающие от деревьев, берега, льда, колодца и... неприступного неба. "Некуда мечтать", - признается Казарин. Но и говорить тоже некуда, хоть истоскаться. И все же человек продолжает упорно всматриваться в пустоту и говорить, говорить, говорить. Это разговор с собой без конца и края - как жалоба тому, кто уже давно умер.

Руки от глины едва отмыв
бог засыпает - ни мёртв, ни жив...

Глине чудится, что она помнит руки и дыхание. Глина пребывает в постоянной тоске по родителю, ищет его и видит в каждой тени, но лишь в редкие минуты откровенности готова признать:

*Глина из-под копыт/в небо, как взгляд, летит:/там тишина
да хруст,/и пустотой болит/ Кассиопеи куст...*

Елена Супонькина

Антология современной уральской поэзии 2012-2018 гг. Челябинск, Издательство Марины Волковой, 2018 г. 760 с.

Очередной, четвертый уже по счету том Антологии в очередной раз подтверждает высокий уровень поэзии на Урале. Это неслучайно - на протяжении как минимум семи лет составителем Антологии Виталием Кальпиди велась целенаправленная работа по отслеживанию того, что происходит в региональном литературном процессе. Это, конечно, огромное явление в современном литературном процессе.

Урал поэтический сейчас очень сильно звучит. Публикаций в ведущих журналах России – десятки. Фамилий поэтов называть не стану: их много, очень много.

Антологии обычно ограничены временными рамками. Но на этот раз, помимо семилетнего отрезка, в нее добавились переводы. Подзаголовок – зарубежная поэзия в переложениях и переводах уральских авторов. Что ж, очередная смелая попытка поднять уровень взаимодействия и смелая концепция. Думаю, решение это правильное, ведь если современный мир подвержен глобализации, то обмен переводной поэзией – один из лучших аспектов этого процесса.

Ну и множество подборок стихов! Обещал без фамилий, но все же не удержусь и восхищусь подборками Яниса Грантса, Антон Бахарева-Черненко, Веры Кузьминой, Елены Баянгуловой, Руслана Комадея. Все это – настоящая поэзия, собранная бережной рукой Виталия Кальпиди.

“Антология современной уральской поэзии” почти наверняка вызовет интерес. Эта книга в очередной раз убеждает нас, что российская литературная жизнь не ограничивается пределами Москвы и Петербурга. Пример такой Антологии для других регионов России очевиден – занимайтесь собственными авторами, собирайте, издавайте, любите, читайте!

Идем к нулю. Возможен снегопад. /Береза – как покрашенная бабка./ Не страшно, не смешно, а просто зябко./ Я вместо рифм выдумываю мат.

Герман Власов. «Мужчина с зеркалом овальным».
Серия «Срез», Москва, 2018 г. 90 с.

Серия «Срез» крайне разнообразна. Сохраняя верность определенной концепции, редакторы серии умудряются вписать в нее очень разных поэтов.

Книга 11-я – «Мужчина с зеркалом овальным». Герман Власов – поэт нюанса. Его стихи предлагают картину мира влюбленного в мир человека. В стихах Власова явственно слышна мелодия, её дыхание ритмично, паузы таинственны. Хотя большинству стихов поэта свойственно ровное, почти монотонное бормотание: неяркие образы, стиль без особых метафор.

Власов поет некое медитативное состояние открытости пространству – некий сон, но не сон, чтобы «забыться и заснуть». Этот сон – от восхищения жизнью. Стихам этим свойственна созерцательность, спокойствие, достоинство. Стихи Германа Власова нужно читать не спеша, находясь в особом приподнятом над обыденностью состоянии. Это поэзия рассеянного наблюдения и неторопливых прогулок с текстом. Это поэзия подробностей мира, деталей пространства и времени. В общем – созерцание и нежность, наблюдение и покой. Читаем!!

*Как много хочется сказать /и выболтать, наверно, сдуру/
когда сверкающий вокзал /уносит шахматной фигурой.*

Сумин Сергей

АВТОРЫ

Боярских Екатерина. 1975г. Живет в Иркутске. Окончила филологический факультет Иркутского университета и аспирантуру того же факультета по специальности "история русского языка". Лауреат премии "Дебют" 2000 г. в номинации "крупная поэтическая форма" ("поэма") за текст "Эхо женщин". Стихи публиковались в альманахах, в антологии "Нестоличная литература" (М., 2001)

Брель Сергей. Родился в 1970 году в Москве. Поэт, журналист, филолог. Многочисленные публикации. Автор нескольких книг стихов. Участник фестиваля поэзии Поволжья. Живет в Москве.

Власова Кристина. 1988г. Художник и поэт. Печаталась в альманахе «Графит» и сборниках «Между строк». Живет в Тольятти.

Емельянов Константин. Родился в г. Алматы, Казахстан в 1966 году. Окончил факультет журналистики казахского университета в 1989 году. Стихи печатались в журналах: Кольцо А, День и Ночь, Северо-Муйские огни, 45-я Параллель, Зарубежные задворки, Новый континент и других изданиях России, Германии, США. Живет в Александрии, США.

Ивкин Сергей. Поэт. Родился в 1979 г. Закончил Российский государственный профессионально-педагогический университет. Работает дизайнером, художником-иллюстратором. Публиковался в журналах «Транзит—Урал», «Урал», «Уральский следопыт», «Юность», «Крещатик», «Знамя», «Волга», «Гвидеон», «Вещь», «Плавучий мост» и др. Живет в Екатеринбурге.

Кальпиди Виталий. Поэт. Родился в 1957 году. Многочисленные публикации. Куратор ряда проектов, связанных с осмыслением особенностей литературы и культуры Уральского региона (журнал "Несовременные записки", антологии уральской поэзии и уральской прозы и др.). Был заместителем главного редактора журнала "Уральская новь». Живет и работает в Челябинске.

АВТОРЫ

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Кириатти Оля. Поэт и художник. Живет и работает в Тольятти.

Кутенков Борис. Поэт, литературный критик, литературтрегер. Родился и живет в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Редактор отдела критики и эссеистики портала «Textura» (с 2018 г.), редактор отдела критики и публицистики интернет-журнала «Литература» (2014 – 2018). Автор четырёх стихотворных сборников (последний – «решето. тишина. решено», изд-во «ЛитГОСТ», 2018), публикаций стихов в журналах «Интерпоэзия», «Волга», «Урал», «Номо Legens», «Юность», «Новая Юность» и др.

Лунина Екатерина. Родилась в 1983 году. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в коллективных сборниках. Живет и работает в Тольятти.

Мартышина Анна. Поэт. Живет в Пензе. Публиковалась в альманахе «Графит» и других изданиях.

Миронов Кирилл, поэт. Родился в 1985-ом. Сознательные стихи пишет с 2004-го года. Сознательно начал их сохранять с 2005-го. Было много публикаций в различных журналах и сборниках. Живет в Самаре и Москве.

Ларионов Дмитрий родился в 1991 году в городе Кулебаки Нижегородской области. Окончил металлургический колледж и Институт филологии и журналистики ННГУ. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нижний Новгород» и др., а также на интернет-порталах «45 параллель», «Полутона» и «Сетевая словесность». Шорт-лист Волошинского конкурса (2017), лонг-лист Григорьевской поэтической премии (2017, 2018). Живет и работает в Нижнем Новгороде.

АВТОРЫ

Песочина Эмилия. Родилась в Харькове. Живёт в Ольденбурге (Германия). Доктор медицины. В 2001 г. эмиграция в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии. Лауреат международных литературных конкурсов «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства», сайта «Изба-читальня» и др.

Сен-Сеньков Андрей. Родился в 1968 г. Родился в Душанбе. Дипломант Тургеневского фестиваля малой прозы (1998), шорт-лист Премии Андрея Белого (2006, 2008). Автор нескольких книг, включающих стихи, лирическую прозу и визуальную поэзию. Лауреат премии Андрея Белого (2018г.) Живет в Москве.

Тарадова Мария. Художник, прозаик. Оформляла несколько номеров альманаха «Графит». Живет в Тольятти.

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ. Пишет стихи, рассказы, либретто, повести, романы, пьесы. Публиковался в альманахе «Графит». Живет в Тольятти.

Тубольцев Юрий. Родился в 1976 году. Поэт, афорист. Публикации в десятках изданий. Живет в Москве.

Чернышев Дмитрий. 1963 г.р. Петербургский поэт и прозаик, редактор, критик, идеолог литературной школы «Синкагерию». Автор книги стихов "Разговоры шейхов", публикаций в журналах "Звезда Востока", "Арион", "Черновик", Антологии русского верлибра и др. Живет в Петербурге.